

Бронислава
Вонсович

— ГИМНАЗИСТКА —
ПОД ТЕНЬЮ
БЕЛОЙ ЛИСЫ

— Магия, меняющая мир —

Бронислава Антоновна Вонсович

Гимназистка. Под

тенью белой лисы

Серия «Ильинск», книга 3

Серия «Необыкновенная

магия. Шедевры Рунета»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68523947

Гимназистка. Под тенью белой лисы: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149947-1

Аннотация

Лиза добралась до Царсколевска. Вот только за ней тянутся проблемы, приставшие как репей к хвосту и цепляющие на себя другие. Княгиня Рысына желает вернуть контроль над блудной внучкой. Штабс-капитан Волков – заполучить артефакт вместе с девушкой. А великая княжна собирается наложить лапу на Хомякова.

Но Лиза уверена, что переиграет их всех. Ведь у нее есть мозги, магия и Зверь.

Ой нет, уже два Зверя...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6	67
Глава 7	79
Глава 8	92
Глава 9	106
Глава 10	120
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Бронислава Вонсович Гимназистка. Под тенью белой лисы

© Б. Вонсович, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Николай пришел поздно, так поздно, что я уже успела не только выспаться, но и проголодаться. Как назло, в комнату просачивались необычайно вкусные запахи – то ли квартирная хозяйка с полной ответственностью относилась к питанию постояльца, то ли готовила для своей семьи, а бедный Хомяков питался где-нибудь на службе, страдая от аппетитных ароматов так же, как сейчас я.

Расчувствоваться я не успела, поскольку наконец услышала его голос. Но в свою комнату Николай подниматься не торопился, о чем-то говорил с женщиной внизу. О чем – я даже не слушала, лихорадочно заметавшись по комнате, поскольку внезапно сообразила, что понятия не имею, что ему говорить. И как вообще его встречать.

«Привет, милый, это я». И лапами ему глаза закрыть, чтобы догадывался, кто именно эта я. Да, звериная форма несколько ограничивает. Но не принимать же человеческую? На мне ровным счетом ничего нет. А голой его встречать несколько... Скажем так, преждевременно. Но тут мне на глаза попался приземистый шифоньер с зеркалом. Можно же было позаимствовать что-нибудь из одежды Николая? Или нельзя?

Я поняла, что меня пугает. Не то, что Николай не согласится помогать. Нет, я как раз была уверена, что в помощи он

не откажет. А вот то, что он вдруг скажет: «Простите, Елизавета Дмитриевна, но теперь в моем сердце и в моих мыслях Ольга Александровна», – вот это страшило по-настоящему, мешало надеть что-то из хомяковских вещей и встречать его так, чтобы он видел во мне не оборотня, но девушку.

И все же я почти решилась, когда разговор внизу прекратился и послышались торопливые шаги, наверняка хомяковские. Брать что-то из шкафа было поздно, и я просто застыла, уповая на отвод глаз. Сейчас увижу – и сразу пойму. Все пойму...

Додумать, что «все», я не успела. Николай распахнул дверь резко, столь же резко ее захлопнул и застыл на пороге. Настороженно так застыл. Я проследила направление его взгляда: мое уютное гнездышко на кровати лучше любых слов говорило, что кто-то там повалялся.

– Лиза? – неуверенно сказал Николай и тут же уверенно добавил: – Лиза, я знаю, что вы тут.

Но я снимать полог не торопилась. Знает он, как же. Может, я повалялась на кровати и убежала. Или не я, а Ольга Александровна. Или вообще... Волков. Да, точно, Волков, чтобы понять, как к нему относится Хомяков. Точнее, ко мне. Или к нему. В конце концов, это личное дело Волкова, кем и с какой целью он интересуется. Я в его дела не лезу и вообще хочу быть как можно дальше.

– Лиза, я волнуюсь, – тем временем продолжил Николай. – Я очень волнуюсь. Если это действительно вы, а не

игра моего воображения, покажитесь.

Отвод глаз я сняла, набросила полог тишины на эту комнату и сразу почувствовала уязвимость своего положения: Хомяков навис над моей маленькой рыськой ангелом мщения, огромным и гневным.

– Лиза, как вы могли так со мной поступить? – возмущенно спросил он. – Я же говорил, что вы можете рассчитывать на мою помощь, а вы сбежали, никому ничего не сказав.

– Мне надо было бабушке довериться? – обиделась я. – Или Оленьке все выложить? Боюсь, Волковы из твоих родных всю информацию вытрясли бы.

– Мама не стала бы действовать на благо клана Волковых.

– Зато я знаю того, кто стал бы, – надулась я и запрыгнула на стул, чтобы казаться хоть немного выше. Это не сильно помогло, разница в размерах все равно чувствовалась. Показалось ужасно несправедливым, что я в звериной форме, а Николай нет. Придавила бы его лапой, быстро перестал бы ругаться. – Я все это время только и делала, что удирала от штабс-капитана, а он меня догонял. Включать в эти игры еще и вас я посчитала лишним.

– Игры? – необычайно холодно переспросил Николай. – Действительно, зачем вам включать меня в ваши игры с Волковым.

Похоже, я опять сказала что-то, имеющее отношение к традициям оборотней, но не имеющее отношения к моей нынешней ситуации. Николай выглядел по-настоящему

оскорбленным, хотя должен был понимать, что то, что для Волкова – игра, для меня – попытки выжить.

– Черт вас подери! – вспыхнула я. – Вы прекрасно понимаете, что у меня нет и быть не может никаких оборотнических игр с Волковым. Я просто неудачно выразилась. – И еще неудачно выбрала стиль разговора, потому что говорить гадости рыси куда проще, чем нравящейся девушке, пусть как рысь я тоже очень даже хороша. Но, возможно, ему сейчас больше нравятся львицы. Львицы с длинными ослиными хвостами и глупыми мордами. – Или вы сейчас пытаетесь меня обвинить, потому что у самого рыльце в пушку?

Я подпрыгнула на стуле и грозно клацнула челюстями вблизи его носа, на котором, конечно, никакого пушка не было и даже следа от помады не наблюдалось, но это еще ни о чем не говорило. Помаду и стереть можно. Даже до того, как начинаешь целоваться. Или вообще не наносить. Положительно, для разговора нужен другой стиль. Пусть я сейчас и контролирую рысь, но нервное напряжение растет, я могу потерять контроль, и тогда Николай одной порванной подушкой не отделается.

– Вы о чем, Лиза? – опешил Николай, даже не вздрогнувший при моих попытках его запугать.

– Не так давно мне попала на глаза пара статей в газетах о вас и о великой княжне... – как можно невозмутимей заметила я.

Продолжать не понадобилось, Николай зло бросил:

– Ноги бы поотрывать тому, кто запустил эту сплетню. Между мной и великой княжной ничего нет. Я исполняю исключительно роль сопровождающего лица, и только.

– Неужели Ольгу Александровну больше некому сопровождать? – недоверчиво фыркнула я.

– Почему некому? – не поддался на провокацию Николай. – Есть кому. Но подлавливают исключительно те моменты, когда сопровождаю я.

Я подозрительно на него уставилась, но ничего в хомяковском облике не указывало на то, что он испытывает к великой княжне хотя бы тень тех чувств, про которые почти открыто пишут в статьях.

– Почему же тогда вас продолжают ставить в ее сопровождение?

– Потому что Александр Третий не желает идти на поводу у газетчиков и менять охрану им в угоду, – пояснил Николай.

Сказал он это как-то странно, словно сам не верил в свои слова, из-за чего мои подозрения вспыхнули с новой силой.

– Что у вас с ней? – резко спросила я и поставила лапу ему на грудь.

Пока мягкую, я даже когти не выпускала. Но это только пока. Если надо – и когти выпущу, и наглую физиономию расцарапаю перед тем, как удрать.

– У меня с ней ничего. Лиза, вы ревнуете? – удивился он. – Но сопровождение великой княжны – это просто служба, отказаться от которой я не могу.

И опять в его голосе прозвучала нотка обреченности. Что бы там ни было, посвящать меня в свои проблемы Хомяков не собирался. Возможно, прямо сейчас не удастся вытащить из него правду, но я постараюсь.

– Не про всякую службу пишут, что это курс сближения с мелкими кланами и все идет к помолвке. Конечно, для спасителя цесаревича могут сделать исключение. Особенно если учесть, какой скромный этот спаситель, что не обмолвился ни единым словом, когда мы с ним виделись последний раз.

– Времени было мало, а это не такое уж важное деяние. Мне просто повезло, – чуть смутился Николай.

– Так повезло, что вы теперь личный телохранитель великой княжны?

– Это просто служба. Я с ней наперегонки по снегу не бежал, – заметил Николай, явно намекая на устроенные Рысьиными смотрины.

– Еще бы, – фыркнула я. – С ее шерстью по снегу не побегаешь.

Намеки на мои клановые проблемы злили, но сделать я ничего не могла: пока я рысь, даже мой внешний облик будет напоминать о Рысьиных. Значит, нужно перестать ею быть, хотя бы временно.

– Дайте мне свою рубашку.

– Зачем? – удивился Николай.

– Мне надо, – как можно увереннее бросила я. – Скорее

же. Я потом все объясню.

Он подошел к шифоньеру, взял с одной из полок аккуратно сложенную рубашку и положил на стол передо мной. Смотрел он при этом с каким-то детским любопытством.

– Отвернитесь, – скомандовала я.

– Я хочу видеть, что вы будете делать с моей рубашкой, – запротестовал он. – Пусть я даже ничего не пойму, но...

– Нет времени спорить. Увидите, но чуть позже. Отвернитесь. И не подглядывайте.

Николай ожидаемо надулся, оскорбленный моим недоверием, но спорить не стал, повернулся к двери, и лишь чуть изменившаяся форма ушей указывала, что без присмотра, точнее, без прислуха он свое имущество не оставил. Но я портить его рубашку не собиралась. Она была белейшая, накрахмаленная до жесткости, с забавными складочками на груди и смешными крошечными пуговичками. Застежка доходила только до середины, а низ был сплошной, но приличней я от этого не выглядела. Пусть рубашка была довольно длинной, но солидные разрезы по бокам, наверняка облегчавшие одевание, заставили меня пожалеть о том, что не попросила еще что-нибудь вниз. Что-нибудь такое, что можно использовать как юбку. Скатерть, например...

Увы, скатерть на столе была ажурной вязки крючком и, подозреваю, не сделала бы мой вид приличнее ни на йоту, поэтому я вздохнула, забралась на стул с ногами, так чтобы их прикрыть по максимуму, и сказала Николаю:

– Можете поворачиваться.

Он обернулся и застыл. Ненадолго застыл. А потом... Нет, я думала, что он может смутиться, покраснеть, замямлить что-то о неприличности моего вида, но вместо этого Хомяков захохотал. Совершенно неприлично захохотал, словно он был в цирке, а я – развлекающим его клоуном. Поэтому покраснела я и чуть срывающимся голосом спросила:

– И что такого смешного вы углядели, Николай?

– Простите, Лиза, не удержался. – Он забавно шмыгнул носом и чуть встревоженно сказал: – Я не над вами. Просто оказалось весьма неожиданным, что моя рубашка понадобилась вам именно для этого.

– Не могу же я с вами в голом виде разговаривать, – возмутилась я. – Или вам жалко своей рубашки?

– Не жалко, но... Права оказалась Оля.

– Какая именно? – вредно уточнила я.

– Сестра, разумеется, – удивился он. – Лиза, давайте уже оставим в покое несчастную Ольгу Александровну? А то ведь до меня тоже доходили слухи, что вы не просто так сбежали, а из любви к Песцову. Пропали из города одновременно с ним.

Желание выложить всю правду про Песцова было чрезвычайно сильным, но я ему не поддавалась: совершенно неподходящее было время. И место. И одежда тоже совершенно неподходящая. Подумать только, мне придется оправдываться перед Николаем за то, чего я не делала, скукожившись

в его рубашке на его стуле в его комнате. Нет, время для признания точно неподходящее.

– Какая феерическая чушь, – недовольно пробурчала я, с трудом удержав за зубами замечание, что это все происки Соболевой Ксении Андреевны, которую я знать никак не могла и очень надеялась никогда более не встретить. – И в чем же оказалась права Оленька?

– Она сказала, что с вашей удачливостью до Царсколевска вы если и доберетесь, то без одежды, положившись исключительно на второй облик.

– Права она только наполовину, – неохотно признала я. – По поводу одежды. Но это результат несчастного случая.

И кривых лап песцовского родственника, чтоб у него оба хвоста отвалились и выросли вместо них четыре! Может, тогда его баланс ипостасей придет в норму. Или маятник качнется. И Ли Си Цын начнет стремительно худеть. А звериная форма столь же стремительно толстеть. Я потрясла головой, отгоняя видение белого красноглазого шарика с четырьмя хвостами, и сосредоточилась на вопросе Николая.

– То есть вы сейчас совсем без вещей и без денег?

– С вещами, деньгами и документами, но без одежды, – отрапортовала я.

– С вещами? – удивился Николай.

– Вещей мало, но они есть. Только самое необходимое.

– Вы в зубах притащили? – продолжал он допытываться, хотя и видел, что разговор мне неприятен.

– Нет, провалилась неудачно в телепорт. Или удачно – это как посмотреть, до Царсколевска я добралась и Волкова с хвоста сбросила. Он меня сейчас пытается поймать совсем в другом городе.

При упоминании Волкова Николай помрачнел. Я тоже прекрасно понимала, что лишь отсрочила возможные проблемы с этим типом.

– Он приходил ко мне. Пытался выяснить, что я про вас знаю. Фаина Алексеевна ему...

– Пообещала меня, если найдет, я знаю. Только он меня не найдет, – уверенно ответила я. – У меня есть направление от армии на целительский факультет, откуда меня ни он, ни любящая бабушка не выцарапают. Как только начнут принимать документы...

– Нужно свидетельство об окончании гимназического курса, без него вас не примут. А до сдачи экзаменов в любой момент могут перехватить.

– У меня есть, – похвасталась я. – Я же не просто так скрывалась, я готовилась.

В отличие от тех, кто в это время развлекался в компании великой княжны. Служба у него, видите ли, такая. О которой в газетах пишут. Подозрительность хоть и уменьшилась, но осталась. Я нутром чуяла: недоговаривает что-то Николай.

– Тогда вам нужно как можно скорее отнести документы. Принять вас могут хоть завтра.

– Завтра? – удивилась я. – Но обучение?.. Я же пропустила

целый семестр?..

– Примут завтра, но в группу, которая начнет обучение только осенью, – пояснил Николай. – Это отработанный способ ухода от кланов. Не вы первая сбегаете. Вам нужно просто добраться до кафедры, на которую ваше направление.

Просто добраться? Легко сказать. Не уверена, что Волков даст столько форы. Да и поступление защитит меня от притязаний Рысьиной, но не от него. Впрочем, от него и бабушка не торопилась защищать, а сама я пока успешно бегаю. Еще бы успешно найти артефакт и успешно от него избавиться, благо теперь я знаю, как он выглядит.

– Отчего вы погрустнели? – пронизательно спросил Николай.

– Размышляю, как покупать одежду, – выкрутилась я. – Вряд ли стоит идти в лавку с деньгами в зубах.

– Дурной тон, – согласился Николай, явно с трудом удерживая улыбку. – Сразу пойдут слухи, что наследница Рысьиных увлекается азартными играми. Причем не просто увлекается, а серьезно проигрывает. Но к чему вам это? Я же говорил, что Оля такой вариант предусмотрела, поэтому у меня тут хранятся ваши вещи.

– Мои? – удивилась я. – Но откуда?

– Не совсем ваши. Те, которые прислала для вас Оля, – пояснил Николай. – Она, конечно, написала, что «все идет по плану», и даже подчеркнула это несколько раз, но на всякий случай прислала комплект одежды, о котором написала, что

если все пойдет по плану, то одежда ей самой пригодится, а если нет, то возможны варианты. «Возможны варианты» Оля тоже подчеркнула три раза.

Николай невозмутимо вытащил из шкафа сверток, довольно увесистый с виду, и протянул мне:

– Мне отворачиваться?

– А почему вы сразу не сказали? – обиженно выдохнула я. – Когда я попросила вашу рубашку?

– Я решил, что она вам нужна для магического ритуала.

– Зачем бы я тогда просила вас отвернуться?

– Ритуалы бывают разные. По слухам, самые действенные те, которые проводят в голом виде, – пояснил Николай, серьезно пояснил, но глаза его смеялись.

– И что я, по-вашему, могла проверять по рубашке? – недовольно фыркнула я.

– Например, правду ли я говорю об Ольге Александровне и не изменились ли мои чувства.

– Я это и так могу узнать. Не изменились ли ваши чувства, Николай? – немного ехидно спросила я.

– Мы, Хомяковы, так легко чувства не меняем, – гордо ответил он. – И если они появились, от нас так легко не отделаться.

– А мои чувства вам не интересны?

– Если бы они изменились, разве вы сидели бы здесь, да еще в моей рубашке, Лиза? – спросил он. – Надеть чужую рубашку для оборотня – все равно что признаться ему в любви.

Это было возмутительное заявление. Настолько возмутительное, что я стукнула так удачно подвернувшемуся Оленькиным пакетом с моими вещами прямо по улыбающейся хомяковской физиономии. А он совершенно нагло уклонился, отобрал пакет, обнял и прошептал прямо в заострившееся от избытка чувств ухо:

– Лиза, вы, наверное, голодны?

Я повернулась ответить, что да, ужасно голодна, и неожиданно его губы встретились с моими. Наверное, воспитанная девушка охнула бы, покраснела и отпрыгнула на другой конец комнаты. Но я была совершенно невоспитанная, да и, как недавно выяснилось, уже успела сегодня признаться в любви, поэтому отворачиваться и не подумала, обвила руками его шею и поцеловала. В конце концов, имею же я право на маленькую компенсацию за все мои мытарства? Маленькую хомяковскую компенсацию?

Глава 2

Желудок предательски заурчал как раз тогда, когда Николай наконец решил вернуть свою рубашку. Во всяком случае, она точно поползла вверх, а около кровати был такой замечательный стул, где бы она прекрасно устроилась, если уж ее никто не собирался опять укладывать в шкаф. Но, увы, физиология всегда что-нибудь да портит, особенно когда она столь назойливо громкая. Николай очнулся, смущенно одернул мою-свою рубаху и хрипло выдохнул:

– Вы же хотите есть, Лиза. Я сейчас...

– Только не говорите никому, что у вас гости, – испуганно выдохнула я уже почти ему в спину.

– Разумеется. – Он даже не обернулся, лишь застыл у двери в ожидании, не скажу ли еще что-нибудь. – Никто не должен знать, что вы в Царсколевске. Я попрошу принести ужин сюда.

Он вышел, а меня сразу накрыло осознание того, что чуть не случилось. Нет, чужие рубашки – зло, особенно когда под ними ничего нет, зато рядом тот, в чьем присутствии голова перестает работать должным образом. Оленькин пакет я дербанила с такой скоростью, словно от этого зависела моя жизнь, и клочки бумаги летели по всей комнате. Хорошо, что подруга предусмотрела все: от нижнего белья до скромного, но аккуратного тулупчика на меху, подозрительно на-

поминающего коврик у моей кровати в доме Звягинцева. Но теплая одежда мне пока не нужна, поскольку в комнате и так было отнюдь не прохладно, а теперь, когда мои щеки пылали, здесь казалось совершенно жарко. Единственно, что с ботиночками подруга промахнулась – были они мне самую малость великоваты, но если напихать в носок уже столь удачно порванной бумаги, то нога переставала елозить и устраивалась даже с некоторым удобством.

Торопилась я напрасно. Николай дал мне время не только одеться, но и прийти в себя. Я даже по рубашке его успела пройтись очищающим плетением, которое вдобавок еще и убрало мой запах. Когда под дверью слышались голоса, осталось только набросить на себя отвод глаз и взять в руки демаскирующий меня тулупчик. Про порванную обертку я совершенно забыла.

– Ох и набросали вы бумаги, Николай Петрович, – неодобрительно сказала вошедшая женщина в строгом черном платье. Тем не менее мне она сразу понравилась. И не потому, что уже вышла из возраста, когда привлекают кавалеров, а потому, что держала поднос с хомяковским ужином, от одного взгляда на который желудок устроил настоящий скандал, с руладами и подвываниями. Хорошо хоть, полог не пропускал звуки. Не то чтобы я стеснялась этой дамы, но перед Николаем точно было бы неудобно. – Аккуратнее надо быть. Чай, за дополнительную уборку вы не доплачиваете.

Оборотнем от нее не пахло, но носом она дернула так,

словно приносивалась к чему-то, ища возможность придраться и поругаться. Не зря я убирала свой запах, ох не зря. Может, у нее особенно развиты нюх и интуиция?

– Я вам плачу достаточно, – отрезал Николай.

Настолько сурово отрезал, что квартирная хозяйка оскорбленно поджала губы и шваркнула поднос на стол так, что тарелки подпрыгнули. Вряд ли она так злится из-за нескольких клочков бумаги. Что за черная кошка пробежала между ней и ее постояльцем?

Это я и спросила сразу, как она вышла из комнаты, а я сбросила отвод глаз, оставив полог тишины на комнате, и начала собирать злополучные обрывки, которых было не настолько много, чтобы из-за них ругаться.

– Не кошка, волк, – поморщился Николай, который старательно делал вид, что это не мы с ним не так давно повсюду целовались. Я с готовностью поддержала его игру, благо строгое платье этому способствовало, и тоже повсюду делала вид, что ничего не было. – Когда вы пропали, Волков несколько раз ко мне навевался и произвел весьма неблагоприятное впечатление на квартирную хозяйку. Она почему-то уверилась, что штабс-капитан – мой приятель, а приличные люди с такими персонами не водятся. Поэтому она и пытается меня выжить.

– А вы?

– Как я мог выехать, если дал вам этот адрес, Лиза? – удивился он.

– Я вас все равно не по адресу нашла, – невольно хихикнула я. – Так что можете спокойно переезжать.

– Не по адресу? – удивился он.

– По запаху. Меня привел сюда мой нос. – Я уверенно придвинула к себе тарелку. – Он почувствовал, что вас здесь неплохо кормят. Для девушки, оставшейся без обеда, это весьма существенно.

– Кормят прекрасно, – согласился Николай. – Этого не отнять. И сама квартира расположена очень удачно.

Он косился на свой ужин, но явно не собирался к нему притрагиваться.

– Неудобно есть вдвоем одной ложкой, – заметила я. – Но придется. Не просить же у вашей строгой домоправительницы вторую? Она сразу что-нибудь заподозрит и сдаст нас Волкову с потрохами при его следующем визите.

– Вы иногда так странно выражаетесь, Лиза, – заметил Николай. – Ешьте одна. Мне не надо.

Желудок согласно рыкнул, но тут уже взбунтовалась я:

– Я одна есть не буду. Как-никак, это ваш ужин, а я могу поесть и потом, где-нибудь в другом месте.

Действительно, я теперь могла спокойно зайти в любой ресторан и оплатить свой ужин, не опасаясь, что о появлении рыси сразу доложат бабушке. Осталось только деньги забрать. Конечно, не следовало их там оставлять без присмотра, пусть и под отводом глаз, но пускаться на поиски Хомякова со шкатулкой в зубах – сущее безумие.

– Я тоже могу поесть потом, когда пойду вас провожать. Я бы предложил вам переночевать здесь, но боюсь...

– Что выспаться нам не удастся, – заметила я со смешком и положила первую ложку овощного рагу в рот. Оно было прекрасно...

– Не удастся, – согласился Николай. – А это неправильно. Маме до сих пор пеняют на скоропалительность ее брака и...

Тут я воспользовалась примером его же сестры, кормившей меня в лечебнице Рысьиных, и ловко вставила ему в рот полную ложку. Такое рагу съесть в одиночку – преступление. Держался Николай от меня на некотором расстоянии, наверное, опасался повторения недавнего поцелуя, но недостаточно далеко, чтобы я не могла достать до него ложкой.

– Иначе ей не удалось бы выйти за вашего папу, – заметила я. – И вас бы не было.

– Но я так не хочу, – вздохнул он. – Я хочу, чтобы все было по установленным правилам, понимаете?

– Понимаю. А также понимаю, что по установленным правилам меня вам никогда не отдадут, – возразила я. – Правила иногда стоит нарушать, чтобы...

– Чтобы что? – с интересом спросил Николай.

– Чтобы потом не жалеть, что их не нарушили.

За разговором тарелка опустела быстро, и я придвинула к себе чашку с чаем. Он уже остыл, но подозреваю, что и горячим был не таким уж и вкусным. Чай в этом доме удался куда меньше рагу. Внутри поселилось чувство неудовлетво-

ренности, и дело было вовсе не в том, что хомяковский ужин мы разделили на двоих и я продолжала чувствовать себя голодной, а в том, что мне сегодня недодали даже поцелуев, не говоря уж про все остальное. Впрочем, возможно, Николай и прав, ибо в моих планах не было срочного замужества и рождения детей. Разобраться бы с тем, что происходит, избавиться от приставучего постороннего бога, бабушкиной опеки и ненужного мне артефакта, который еще найти нужно. А потом... Потом можно подумать и о личной жизни.

– Пожалуй, я пойду. – Я подхватила тулупчик. – Только не через окно. Через окно я в зимней одежде не вылезу.

– Разумеется. Я вас провожу и помогу устроиться.

– Нет, – покачала я головой. – Вам сейчас лучше не знать, где я. Волков не слишком щепетилен и прекрасно использует ментальную магию. И не надо мне говорить, что его остановит ваше родство.

– Не остановит, – согласился Николай. – Но отпустить вас одну в чужом городе? Это недопустимо. Вы же ничего здесь не знаете.

– Я разберусь, – ответила я с уверенностью, которой не испытывала. Куда легче, когда за тебя кто-то отвечает. Но в моем положении – и куда опаснее. – Вы мне только покажите, где университет, в который мне надо попасть завтра. Если меня действительно примут, жизнь станет куда проще. А если нет, придется и дальше скрываться, а значит, будет лучше, если никто не узнает где. Даже вы.

Николай нехотя, но признал мою правоту. Я застегнула простенький Оленькин тулупчик на волчьем меху и поймала себя на том, что пытаюсь поправить несуществующий палантин, с которым сроднилась за время игры в мисс Мэннинг. Хорошо хоть, не пришлось носить ее украшения, а то сейчас страдала бы и из-за них. Но палантин, уютный, большой, пушистый, он так лежал на плечах, что казался естественным продолжением тела. Нужно было вытребовать с Песцова что-то подобное в качестве гонорара. Или как компенсацию морального ущерба. Подумать только, все вещи уничтожили, невзирая на их ценность. Но ведь Ли Си Цын говорил что-то об их опасности?

И тут меня словно молнией шибануло: а не связано ли появление еще одного облика с тем, что я слишком сильно соприкоснулась с темной стороной, к которой относились крэги? Подозрительный этот второй облик, а еще подозрительнее, что я чувствую себя так, словно не ела с самого утра. Рагу ухнуло в желудок, как в бездонную яму. Конечно, еды на двоих было не так уж и много, это несколько успокаивает, но все же не настолько, чтобы я могла забыть слова Ли Си Цына, что он много ест лишь по необходимости. С другой стороны, у него был дефектный облик, который песцовский родственник хотел удержать, а я совершенно спокойно могу отказаться от столь неприглядной лисицы. Мне лазеры из глаз без надобности. Я и без того найду чем приложить. Главное, чтобы моя рысь не пострадала. Но с ней же было

все нормально? Там же не было двух хвостов? Я занервничала. И нервничала все время, пока спускалась под отводом глаз за Николаем, причем с каждой ступенькой все сильнее и сильнее. К тому времени, как оказалась на улице, я уже уверилась, что совсем скоро меня ждет участь Ли Си Цына.

– Николай, мне очень нужно обратиться к Велесу, – по возможности небрежно сказала я, лишь только мы оказались на улице и я смогла набросить отвод на нас обоих. – Это же можно сделать в любом святилище? Их в Царсколеовске много?

– Обратиться можно в любом. – Чуть настороженный взгляд Николая показал, что мое деланое равнодушие его не слишком обмануло. – Но в часто посещаемых он может не заметить и не обратить внимания. Вообще, большая удача, что он тогда откликнулся. У вас что-то случилось? Я имею в виду – что-то, кроме того, о чем я уже знаю.

– Он со мной встретился еще один раз, – нехотя признала я. – Значит, есть надежда, что заметит. И мне кажется, разговор нужен нам обоим.

А то вдруг зверь пытается проявиться, выдав мне облик, приближенный к его созданиям? Заразу нужно выжигать сразу, не дожидаясь, пока я растолстею по неестественной причине, и главное – без надежды похудеть.

– Можно попробовать. Но в клановом было бы надежнее. Я подумаю, кого попросить об услуге, но, увы, не могу пообещать, что кто-то согласится. Это слишком... слишком лич-

ное дело.

А еще вполне может быть, что бог, который считался покровителем, отвернулся от клана, как это произошло у Соболевых. Но о таком не сообщают посторонним. Такие компрометирующие сведения не должны выходить за пределы клана. Конечно, если я пройдусь рядом, Велес может опять указать дорогу, но, если он столь заинтересован в наших встречах, возможно, снизойдет и до более скромных условий?

– Я в обычном попробую, – решила я. – Вы мне покажете ближайшее?

Но ближайшее оказалось закрыто. Выглядело оно не столь помпезно, как те два, в которых мне довелось побывать, тем не менее от него исходило нечто, давшее надежду, что меня там не только выслушают, но, возможно, еще и что-нибудь посоветуют. В последнем я сомневалась: наличие свидетелей вряд ли позволит богу со мной поговорить. Или он разговаривает и проявляется так, что остальные не замечают? В любом случае он бог, ему доступно куда больше, чем мне.

Университет тоже был закрыт. По ажурной металлической ограде порхали защитные плетения, тончайшие, как паутинки, и заманчиво поблескивающие. Моего магического зрения оказалось недостаточно, чтобы рассмотреть детали, очень уж они были мелкими, но, пожалуй, плетения здесь посложнее лисицынских, не говоря о рысьинских – те вообще казались детской поделкой по сравнению с этими шедеврами от магии. Нужно узнать, кто создатель, и напроситься к

нему в личные ученики, ибо такой маг должен быть талантлив во всем. Правда, вряд ли он занимается целительством, но можно же несколько специальностей взять. Это весьма, весьма перспективное направление: безопасность для целителей тоже важна, поэтому я не отказалась бы изучить хотя бы пару хороших защитных плетений. Но пока оставалось их только рассматривать: до утра в университет ни зайти, ни выйти оттуда. Правда, пара окон в здании были освещены. Возможно, там идут круглосуточные эксперименты?

Прохожих на улицах почти не было. Так, отдельные личности, не успевшие завершить дела в светлое время суток.

– И все же мне не хотелось бы отпускать вас одну, Лиза, – внезапно сказал Николай. – Время позднее, мало ли что может случиться. Люди всякие ходят, и не только люди.

А еще крэги, которые прекрасно нанизываются на сосульки. Можно сказать, отработанным до автоматизма движением.

– Не волнуйтесь, со мной все будет хорошо.

Пользуясь тем, что нас никто не видит, я приподнялась на цыпочки и чмокнула его в холодную колючую щеку, тем самым и прощаясь, потому что сразу после этого я чуть сдвинула отвод глаз так, что теперь он опять скрывал только меня. Николай возмущенно закружил на месте, твердя, что я не могу так просто уйти и что мы еще не все обговорили, но я уже почти бежала от него. Время действительно было позднее, а мне еще не только забирать свои вещи, но и искать го-

стину. Впрочем, с последней проблем не будет: несколько вывесок я уже заметила.

Обратную дорогу я нашла без труда: пусть я теперь была в человеческом облике, но могла использовать при необходимости и звериные чувства. Поэтому вскоре я стояла у нужного дома и настороженно осматривалась и принохивалась. Сейчас не помешало бы плетение, которое использовали Владимир Викентьевич и Волков, когда проверяли, есть ли кто поблизости. Но ничего подозрительного я не углядела и не услышала, поэтому решила двигаться дальше.

Рысью я прыгала через забор, человеком же пришлось идти через калитку, сдвинув запор магическими щупами. Этак я скоро настоящим взломщиком стану, с такими тренировками однообразных навыков...

Щупами же я спихнула с балки свое имущество. Наверное, можно было и аккуратно спустить, но подумала я об этом лишь тогда, когда чуть не уронила книги. Вот было бы обидно, разлетись они по сараю на листочки. Думаю, местная корова столь же флегматично начала бы пережевывать бумагу, как жевала свое сено. Мое появление у нее даже легкого беспокойства не вызвало, она лишь пару раз недовольно помычала, но хозяева, к счастью, не выбежали проверять, не случилось ли чего. Да и спали они уже наверняка: в доме не горело ни единого огонька, так что я лишь мысленно поблагодарила всех за невольное гостеприимство и покинула участок, тщательно все за собой закрыв.

В примеченной по дороге гостинице оказались свободные номера, но цены... цены меня неприятно удивили. Одну ночь я себе могу позволить, но завтра непременно нужно найти жилье. Сразу, как схожу в университет и узнаю, правда ли меня могут зачислить прямо сейчас. Точнее – прямо завтра, потому что прямо сейчас мне хотелось только одного: добраться до постели и уснуть.

Глава 3

Велес нашел меня сам. Почувствовал, что хочу с ним встретиться, и пришел во сне. Правда, это меня не слишком обрадовало, поскольку визит был короткий. Очень короткий. Велес окатил меня обжигающим сиянием и гулко выдохнул:

– Выполни, что должна.

После чего сияние начало удаляться и угасать. Я испуганно заорала ему вслед:

– Но моя форма!.. Еще одна форма!.. Она же от зверя?

Сияние застыло, словно обдумывая вопрос, потом вернулось ко мне.

– Не от зверя, но под его влиянием. Ты слишком долго соприкасаешься с его силой. Сделай, что должна, и освободишься. И не зови меня, пока твой договор с другим богом не завершится. Я и без того дал тебе больше, чем следовало.

Он рассыпался искрами, как бывает только во сне, и тем не менее я осталась в полной уверенности, что это был не обычный сон, не причудливые выверты моего разума, воплощенные в таком странном виде, а настоящее явление бога, который дал понять, что считает меня неумной попрошайкой. Но мне не нужны были никакие привилегии от него, а всего лишь хоть какая-то ясность, которой как раз не дали. Одно понятно: артефакт нужно срочно найти и столь же

срочно от него избавиться.

Проснулась я мокрая как мышь и первым делом попыталась вызвать оба звериных облика. Рысь приходила все так же легко, а лису я чувствовала, но воплотить не могла. При чем чувствовала ее не как что-то радостное, как всегда происходило с рысью, а как нечто пугающее и темное.

Тут мне пришло в голову, что я могу посоветоваться еще и с Мефодием Всеславовичем. Недаром же он говорил про идущий от меня свет. Вдруг сейчас этого света почти не осталось и меня медленно, но верно затапливает тьма?

Домовой, проявившийся после открытия шкатулки и сразу огорошенный свалившимися на меня дополнительными проблемами, только недоуменно крикнул по окончании моего рассказа, получившегося довольно-таки сумбурным, после чего обошел меня кругом, внимательно оглядывая.

– Нет, – вынес он вердикт. – Тьмы я не вижу. То есть внутренней тьмы, ее как не было, так и нет. Есть столкновение сил двух богов. Видать, китайцы-то поклоняются не тем или что-то с артефактами лисицынскими не то. Сейчас не сказать. Вот защита велесовская истаивает, это да. Значит, Темный бог скоро опять вас сможет видеть.

– Что же мне делать? – растерянно спросила я.

– Артефакт искать, как сказал Велес.

– Да где же его искать? Ума не приложу. Рысьина думает, что артефакт в квартире Седых. Волков, похоже, тоже, но я совершенно ничего там не видела, никаких следов волшбы,

только остатки защитной на двери. Из квартиры пропали все записи. Может, там было что?

– Может, и было, – согласился домовый. – Дак теперича чего о том страдать? Вы же не знаете ни кто забрал, ни куда.

– Вариантов-то немного, – протянула я, прикидывая, не удастся ли получить каким-нибудь образом доступ к бумагам, оставшимся от родителей.

А ведь что-то из бумаг отца наверняка есть у Рысьиных, пусть и не те, что похищены из квартиры. Только захочет ли княгиня их показать? После наших серьезных нынешних разногласий – наверняка нет. И почему я не попыталась получить их с нее раньше?

– Всегда находятся такие варианты, о которых и не думаешь, – возразил Мефодий Всеславович. – Да и два для вас много, поскольку пока вам и одного не проверить. Так и не страдайте попусту. Первым делом вам, Елизавета Дмитриевна, защиту от Рысьиных получить нужно, все легче будет.

Я вынужденно с ним согласилась, поэтому даже без завтрака направилась в университет. Для меня сейчас любое промедление могло оказаться роковым. Несмотря на раннее утро, людей на улицах было уже много, поэтому отвод глаз был не слишком удобен, пару раз я даже не успела увернуться и один раз чуть не упала при столкновении. Поэтому, здраво поразмыслив, я заменила отвод иллюзией, чуть видоизменив облик Павловой, который мог кто-то запомнить и меня опознать. Сделала лицо помоложе, чтобы соответство-

вать Оленькиной одежде и чтобы никто не удивился возрастной даме, заявившейся ни свет ни заря в университет. А так есть шанс удачно смешаться со студентами и проскочить.

Шанс я бездарно профукала. Во-первых, входящих на территорию университета с утра пораньше было очень мало. А во-вторых, от защиты был освобожден только небольшой проход через калитку, где меня сразу же задержали, поскольку проход был освобожден от защитных плетений, но не от проверяющих артефактов, один из которых сразу же противно запикал.

– Барышня, постойте-ка, – скомандовал выскочивший из сторожки мужчина в форме, напоминавшей армейскую.

Был он в возрасте и чуть прихрамывал, но что-то подсказывало, что удрать просто так от него не получится. На кончиках пальцев горело плетение, уже готовое сорваться и обездвижить, если не чего похуже. Бежать было бессмысленно, да и опасно: если заподозрят в чем дурном, арестуют и в полицию сдадут. Значит, показывать страх ни в коем случае нельзя. Не взять ли на вооружение рысьинские манеры?

– Вы мне? – высокомерно удивилась я. – В чем дело?

– На территории университета запрещено использовать ряд плетений, в том числе изменяющие внешность. С полным списком вы можете ознакомиться вон там. – Он кивнул на сторожку. – Вас извиняет только то, что вы у нас впервые. Я вас раньше не видел.

– Впервые, – вынужденно согласилась я. – Но я ничего бо-

лее использовать не буду. А изменяющее внешность не хотела бы снимать, поскольку есть вероятность, что не дойду, куда собиралась.

– На территории университета вас никто не имеет права задерживать, кроме службы безопасности университета.

– Не имеют права и не задержат – это разные понятия, не находите? – мрачно уточнила я.

Одиночные студенты и студентки огибали меня, словно ручеек камень, и хотя бросали любопытствующие взгляды, никто не останавливался, чтобы узнать, чем закончится беседа.

– Нахожу, – усмехнулся охранник. – Но будьте уверены, что через меня вас точно так же не выведут, как вы не сможете попасть внутрь, пока не снимете запрещенное плетение.

– Хорошо. – Я развеяла плетение и с вызовом посмотрела на охранника. – Теперь я могу пройти?

– Теперь вы можете пройти на пост охраны и предъявить документы, чтобы я мог вам выдать разовый пропускной артефакт. Неужели вы думаете, что здесь можно просто так прогуливаться?

Именно так я почему-то и думала, но говорить этого, разумеется, не стала, согласно кивнула и прошла, куда сказали. Премироваться можно было бы еще долго, но что толку, если меня не пропустят дальше проходной?

Из документов у меня были разве что свидетельство о рождении, направление от Шитова и свидетельство об окон-

чании гимназического курса, что я и выложила перед охранником, надеясь, что этого будет достаточно. Удивило, что, кроме него, в помещении оказались еще двое. Серьезное какое заведение этот магический университет, в него просто так не попадешь. Это давало надежду, что я окажусь под надежной защитой, будучи принятой.

– Седых? – скептически уточнил охранник. – А если поточнее?

По-видимому, для него не стала секретом моя возможность принимать звериную форму, хотя ни от него, ни от его коллег оборотнями не пахло.

– А если поточнее, то я имею права использовать эту фамилию, – сухо бросила я. – Это не преступление, не так ли?

– Ой, чую, несете вы с собой проблемы с одним из кланов, барышня, – недовольно покрутил он головой.

– Мои проблемы всегда со мной, – согласилась я. – Но подозреваю, что у университета собственных проблем столько, что мои не окажут существенного влияния на их количество.

Охранник одобрительно хмыкнул, вытащил деревянную пластинку, окутанную довольно грубыми плетениями, которые я не только рассмотреть могла, но и повторить без особых проблем, и вручил мне со словами:

– Вы на целительский факультет?

– Да. Кстати, не подскажите, где он находится?

– Подскажу, барышня Седых, почему нет?

Охранник указал на план, висевший на стене, и обстоя-

тельно объяснил, как пройти, а также предупредил, что мои перемещения будут прекрасно видны охране, поэтому гулять просто так он мне настоятельно не рекомендует.

– Не приняты у нас развлекательные прогулки, барышня Седых.

«Седых» он каждый раз старательно подчеркивал, словно пытался показать, что он ни на грош не верит в то, что это действительно моя фамилия. Но хоть пропустить согласился, и то хорошо. Представляю, сколь бледно бы я выглядела, если бы меня выставили из университета в моем собственном виде, а снаружи караулил бы кто-нибудь из тех, кто меня разыскивает. Интересно, как скоро Волков прекратит искать меня в Китае?

– Студенты у вас тоже просто так не гуляют? – не удержалась я. – Только по делам и только по заранее утвержденным маршрутам?

– И студенты, и сотрудники – не посторонние лица, в отличие от вас, барышня Седых.

С поста охраны я вылетела, кипя от злости и провожаемая смешками. Приятно, что хоть у кого-то начало дня оказалось радостным. Я успела пожалеть, что не позавтракала, возможно, проще отнеслась бы к подобию допроса, что мне устроили. Есть хотелось просто ужасно, и это беспокоило, поскольку я все так же опасалась, что это связано с недоступным обликом лисы. Нужно будет себя жестко в еде ограничивать: вдруг он отомрет сам собой? Маловероятно, конеч-

но, но вдруг...

Кафедру целительства я нашла без труда. И кабинет заведующего с солидной табличкой «Владимир Петрович Блинов» тоже. Заведующего же пришлось подождать под прищотром неразговорчивой секретарши, которая не отвлеклась ни на что, довольно медленно перепечатывая текст с листов с большим количеством правок. Время от времени она хмурилась, вертела очередной листок в руках и то вычеркивала, то подчеркивала что-то карандашом. Отвлекать ее было себе дороже.

Наблюдать за работой секретарши долго не пришлось. Вскоре в приемную размашистым шагом вошел сухопарый мужчина возраста Владимира Викентьевича или чуть постарше, посмотрел на меня и удивленно спросил:

– Вы ко мне, барышня?

– К вам, Владимир Петрович, – подтвердила секретарша, не дав мне рта раскрыть.

Видно, понадеялась, что меня заберут из приемной и ее никто более не будет отвлекать. Она даже не привстала со стула и не отложила очередной лист.

– К вам, – добавила и я и протянула направление и свидетельство.

Владимир Петрович лишь бегло взглянул, брать ничего не стал и сказал:

– Пройдемте, барышня. Расскажите, что привело вас посреди учебного года.

В кабинете я устроилась на довольно удобном стуле для посетителей и сразу сказала:

– Необходимость.

– Что, простите? – удивился заведующий.

– Необходимость привела меня к вам посреди года, поскольку я хочу у вас учиться, но могу не попасть позже.

– Вы у нас кто?

Я протянула свои документы, которые он наконец удостоил вниманием.

– Седых? Станислав Андреевич Седых вам, часом, не родственник?

– Дедушка.

Отвечала я не слишком уверенно, поскольку знала только отчество матери, а вот отчество ее отца – уже нет. Но Владимир Викентьевич отзывался о моем дедушке со стороны матери как о прекрасном целителе, так что почти наверняка речь сейчас шла о нем.

– Хорошая наследственность, – одобрительно сказал Владимир Петрович. – Насколько мне помнится, у него была одна дочь?

Я кивнула, внутренне напрягаясь, потому что от вопроса о матери наверняка перейдут к вопросу об отце, а уж от него до моей нынешней настоящей фамилии рукой подать. Впрочем, это все равно не скроешь: такое рано или поздно вылезает наружу, а в моем случае скорее рано.

– Мои родители погибли, поэтому я могу рассчитывать

только на себя.

– Ой ли, барышня? – усмехнулся заведующий. – Я помню, за кого вышла дочь Станислава Андреевича. Вы же из Рысьиных? Разве они отказались вас поддержать?

– Представления княгини Рысьиной о моем будущем очень отличаются от того, каким его хочу видеть я.

– Поэтому вы воспользовались первой же возможностью избежать уготовленного вам будущего и пришли сюда?

– Нет, не поэтому.

– А почему?

– Потому что я хочу быть целителем.

Сказала и неожиданно поняла, что это действительно так. Я хочу быть целителем не потому, что у меня нет выбора, а потому, что я хочу именно этого. Хочу исцелять людей. Почему-то показалось, что я хотела этого или чего-то близкого в прошлой жизни. Хотела, но не сумела реализовать. Может, поэтому я рвалась сюда, а не просто пыталась спрятаться?

– Но вы же понимаете, что Рысьины с таким вашим выбором не смирятся?

– А что они смогут сделать? – удивилась я. – Пока я учусь, княгиня не имеет надо мной власти, разве не так? А потом я поступаю в распоряжение армии, и она опять не имеет надо мной власти.

– Так-то оно так, – согласился Владимир Петрович, – но бывают случаи, когда представитель клана внезапно бросает учебу, а клан компенсирует университету затраты. Точнее, в

вашем случае это будет компенсация военному ведомству.

– Я не брошу, – ответила я, не понимая, чего он добивается. – Я не для того сбегала, чтобы смириться с уготованной мне ролью у Рысьиных.

– Вы меня не поняли, – вздохнул он. – В любой момент вас могут, грубо говоря, выкрасть и представить это вашим собственным решением. Во внутренние клановые дела не вмешивается даже его императорское величество, нам тоже никто не позволит туда лезть.

– Звучит не слишком оптимистично.

– Как есть. – Он развел руками. – Современные реалии таковы, что, начав вас обучать, мы можем не закончить. Рысьины слишком значимый клан, чтобы мы могли игнорировать возможные неприятности. Стоите ли вы их?

– Стою, – уверенно ответила я. – Я сильный маг. Потенциально я одна из сильнейших целителей России.

Нет, конечно, можно было скромно потупиться и начать мямлить, что я не так плоха, как ему кажется, но слишком уж была неподходящая ситуация для показа скромности и хорошего воспитания. Да и не сложилось у меня с ними.

– Сильный – это сколько в единицах? – насмешливо хмыкнул Владимир Петрович. – Знаете, барышня, то, что для одних сильный, для других таковым не кажется. Я не слышал о сильных магах у Рысьиных, уж простите. Самый сильный маг на сегодняшний день там княгиня, ее уровень держится в секрете, да, но что-то мне подсказывает, что он не такой

уж впечатляющий.

– По косвенным признакам я сильнее, но в единицах, увы, не скажу. Мой уровень резко вырос после трагедии в семье. Замерялся только до этого, новый – нет.

– Вот как? – недоверчиво переспросил он. – Что ж, давайте хотя бы приблизительно определим.

Владимир Петрович достал из ящика стола дощечку с рисунком ладони в центре и инкрустацией драгоценными камнями по краям, на один из которых нажал, камни засияли, а я сразу вспомнила, что почти таким мне предлагал измерить уровень Волков, а Оленька тогда сказала, что чем темнее отпечаток, тем выше уровень. Этот артефакт выглядел посолиднее, здесь даже сбоку была шкала, градуированная всеми оттенками коричневого – от совсем светлых до почти черных.

– Кладите руку вот сюда. Посмотрим, стоит ли за вас бороться. Учтите, будет светлее, чем тут, – он ткнул довольно близко к центру, но все же в нижнюю половину шкалы, – тогда разговор на этом и закончим. Скандал с Рысьиными не стоит появления еще одного слабого армейского целителя, способного полноценно работать только с артефактами.

Руку я класть не торопилась, напротив, испытала серьезное беспокойство. Вдруг я переоцениваю полученный мной магический дар и сейчас это выяснится? А если не переоцениваю, то не хотелось бы, чтобы это стало известно всем желающим. Но без проверки меня точно не примут.

– Могу я быть уверенной, что результаты не выйдут за пределы этого кабинета? – уточнила я, почти занеся руку над артефактом.

– Моего слова вам достаточно?

– Вполне.

– Обещаю вам, что никогда и никому не расскажу о показанном этим артефактом уровне вашего дара, – усмехнулся Владимир Петрович. – Не тяните, активированный артефакт тратит много энергии, не хотелось бы, чтобы она уходила впустую.

Я приложила руку и подождала необходимое время, после чего отняла ее от дощечки с некоторым душевным трепетом: как-никак сейчас выяснится хотя бы приблизительный мой уровень.

Хозяин кабинета потрясенно охнул. Я бы тоже ему вторила, если бы напрочь не потеряла голос, увидев результат. Отпечаток был угольно-черным, таким черным, словно я прожгла дощечку насквозь. Но это было не так: прошло некоторое время, и он начал стремительно светлеть, пока не сравнялся по цвету с остальной дощечкой.

Глава 4

Владимир Петрович о чем-то мрачно размышлял, постукивая по столешнице. Короткое общение с Песцовым привело к пониманию, что в вопросах музыки я полный профан и при определении мелодии мне не стоит полагаться на собственный слух, но сейчас было достаточно взглянуть на лицо моего визави, чтобы понять: внутри его симфонический оркестр исполняет траурный марш. Еще бы: я только что честно призналась, что мой магический багаж очень скромнен и у Рысыных меня если и учили чему, так только контролю. «Предусмотрительно с их стороны», – буркнул заведующий и впал в некое подобие транса. Очень, очень долгого, настолько долгого, что я устала сидеть без дела и выразительно прокашлялась, намекая, что сейчас я не на концерте и хотела бы услышать что-то более определенное, чем отстукиваемый ритм. Владимир Петрович отмер, перестал стучать и спросил:

– А почему вас направили именно на целительское? С такой силой и контроль неважен, если речь идет о военных магах.

– Контроль всем важен, – возразила я. – И кувалда, и микроскоп могут весить одинаково, но вторым никто не станет ничего забивать в стену.

– Спорное утверждение, – заинтересованно блеснул гла-

зами заведующий.

– Никто с наличием мозга, – внесла я поправку.

– Понимаете... – он придвинул к себе направление и выцепил оттуда мое имя, – Елизавета Дмитриевна, много силы без базового владения – не всегда хорошо. Для нас, целителей, важнее владение ею. Чем виртуознее владеет имеющимся даром целитель, тем большего он достигает в своей профессии.

– Виртуозно владеть даром должны научить у вас, не так ли? – чуть удивленно спросила я. – Или вы ожидаете, Владимир Петрович, что к вам на обучение придет уже полностью готовый целитель, в которого будет достаточно впихнуть некоторое количество теоретических знаний и отправить с дипломом в свободное плавание? Не такой я представляла роль университета.

– Вы на редкость странно разговариваете для вашего возраста, – заметил Владимир Петрович. – Разумеется, мы не рассчитываем, что абитуриенты придут к нам с базой знаний. Я совершенно не это имел в виду. Проблема в том, Елизавета Дмитриевна, что для целителя высокий уровень магии не столь важен, как, к примеру, для армейских магов. С вашим уровнем дара противника можно просто размазывать по площадям, не особенно при этом напрягаясь и получая куда больше денег, чем приходится на долю целителей.

И посмотрел на меня этак выжидающе, словно я только и ждала предложения хоть от кого-то идти и громить врагов

родины.

– Я вам уже сказала, что не хочу размазывать, а хочу собирать, и по возможности так, чтобы человек жил дальше долго и счастливо. И потом, у меня направление от армии конкретно к вам. – И, чтобы отбить у собеседника желание возвращаться к теме военных магов, тезисно повторила специально для него: – Я хочу быть целителем. У меня направление от армии. Я собираюсь приложить все силы, чтобы не только поступить, но и окончить. И я не собираюсь возвращаться к Рысьиным. Меня их мнения и желания волнуют в последнюю очередь.

– Так я о чем и толкую, Елизавета Дмитриевна, – оживился Владимир Петрович. – Поступи вы в Императорскую Царсколевскую военную академию, Рысьиным вас было бы куда сложнее забрать.

– Но не невозможно?

– Увы.

Похоже, грядущие проблемы с Рысьиными пугают заведующего куда больше, чем радует возможность заполучить сильного мага. Но, насколько я понимаю, отказать он мне не может, раз уж я добралась. Хотя документы сейчас лежат куда ближе ко мне, чем к Владимиру Петровичу, который почти инстинктивно отпихивал их от себя.

– Значит, мы возвращаемся к тому простому факту, что я не хочу никого убивать даже ради собственного благополучия.

Владимир Петрович посмотрел так, что я почему-то вспомнила, что как раз убивать мне уже приходилось. Но в противном случае крэги уничтожили бы нас с Песцовым, и не факт, что нами бы и ограничились. Поэтому ни малейших угрызений совести у меня не возникло, и я решительно подвинула к заведующему направление, которое уже грозило свалиться на пол, не озабочься я его дальнейшей судьбой, и сказала:

– От вас требуется всего лишь написать приказ о моем зачислении.

– Всего лишь? – пробурчал заведующий, впрочем, вполне благожелательно.

Перемену в его отношении я почувствовала, чем и решила воспользоваться:

– Я была бы весьма признательна, Владимир Петрович, если бы вы проявили и дальнейшее участие в моей судьбе и помогли с работой и проживанием при университете.

– Да вам палец в рот не клади, Елизавета Дмитриевна! – расхохотался он. – Оттяпаете по локоть. Впрочем, Рысьины все такие: если уж вцепились – не оторвать. Княгиня тоже весьма упорная особа. Понятно, что вы не могли ужиться и она попыталась вас подмять. Что она знает о вашем уровне магии?

– Разве что только то, что я имею больше двухсот единиц, – чуть подумав, предположила я, исходя из самого плохого варианта, что Владимир Викентьевич выкладывал главе

клана обо мне все, что ту интересовало. – Я не особо афишировала свои успехи перед посторонними.

– Более двухсот? Да вы затейница, Елизавета Дмитриевна.

Владимир Петрович выразительно посмотрел на лежащий на столе артефакт, на котором, конечно, уже не было и следа измерений, но в памяти – что моей, что его – наверняка так и стояло пятно глубокого черного цвета. Интересно, сколько это в единицах? Но спрашивать я не стала: все равно значение будет лишь приблизительным...

Наконец Владимир Петрович окончательно осознал, что отделаться от меня не выйдет ни под каким предлогом, вздохнул, вызвал секретаршу и поручил ей отпечатать приказ о зачислении, тут же завизированный сложным артефактом, от которого отошло дымное облачко и довольно целеустремленно куда-то двинулось.

– Это что? – подозрительно уточнила я.

– Вы о чем? – удивился Владимир Петрович.

– О магическом облаке, которое куда-то поплыло.

– Вы увидели? – удивился он. – Впрочем, немудрено, при вашем-то потенциале. Сообщение в Императорскую канцелярию. Увы, но уже в ближайшее время ваша родственница узнает, где вы, и попытается, так сказать, с вами воссоединиться.

Это было весьма неприятным известием. Я пожалела, что не озаботилась покупкой вещей до посещения университета, ибо выход отсюда мне теперь заказан. Одного комплекта

одежды, даже при условии, что я его буду чистить магией, надолго не хватит. С другой стороны, он у меня хотя бы есть. Было бы куда хуже, прискачи я в этот кабинет рысью, держа документы в зубах. Интересно, как к этому отнеслась бы охрана? Запрещено ли менять облик и гулять по местным аллеям? Впрочем, насколько я поняла, это считается довольно интимным занятием.

– Уверена, счастливого воссоединения не произойдет, – кисло заметила я. – Мне вполне хватит воссоединения с университетом. Не стоит вмешивать в эти отношения еще и клан Рысьиных, которых я совершенно не интересую как маг.

– Да, в вопросах изучения магии у вас серьезные проблемы, – согласился Владимир Петрович. – При университете есть курсы по контролю и тонким плетениям. Вам не помешало бы на них походить. Чем выше уровень, тем сложнее его брать под контроль и выполнять сложные плетения.

Предложение казалось заманчивым, только вот вряд ли университет склонен к благотворительности.

– Они наверняка платные?

– Платные, но стоимость не запредельная. У вас совсем нет денег?

– Не то чтобы совсем, но ограниченное количество, а из вещей – только то, что на мне, да и то, признаться, не мое. Я осталась без багажа в результате несчастного случая.

Созданного Волковым с Ли Си Цыном. Наверняка они самые талантливые организаторы несчастных случаев в Рос-

сийской империи и для себя, и для других.

– То есть...

– То есть все мои вещи при мне. Именно поэтому, Владимир Петрович, мне жизненно необходима работа, и если на вашей кафедре нет свободной должности, поищу на других. Или в обслуживающих структурах. Например, в столовой.

– Что, и посуду согласитесь мыть, Елизавета Дмитриевна? – насмешливо уточнил Владимир Петрович. – Представитель крупного клана – и в посудомойки?

– Почему нет, если это позволит получить здесь жилье? Насколько я поняла, за пределы ограды мне пока нежелательно выходить.

– Правильно понимаете. Возможно, княгиня Рысына остынет и поймет, что клану выгодней иметь хорошо обученного целителя, тогда нужды в подработках у вас не будет.

– Возможно, – на всякий случай согласилась я, хотя была уверена, что планы у моей любящей бабушки в отношении меня никогда не включают образование, да и я ясно дала понять, что не считаю себя частью клана и собираюсь его покинуть. Так что моя дорогая родственница воспользуется любой возможностью вернуть беглую внучку в любящую семью. – Но в любом случае это произойдет не завтра, так что пока мне необходима работа. Возможно, вы мне посоветуете, где ее найти, не выходя с территории университета? Я согласна на любую. В конце концов, тарелки тоже кто-то должен мыть.

Прозвучало несколько пафосно, но, если уж меня отправят на столь неквалифицированную должность, мыть их точно не буду, у меня на такой случай припасены прекрасные бытовые плетения, позволяющие и фаянс отчистить, и самый тонкий хрусталь оттереть до блеска. Владимир Петрович этого, разумеется, не знал, поэтому моя готовность к жертвам произвела на него нужное впечатление.

– Разумеется, в посудомойки вас никто не определит, – чуть смущенно сказал он. – Такого Фаина Алексеевна нам никогда не простит. Но конкретно у нас на кафедре есть только одно вакантное место лаборанта в лаборатории целительских артефактов.

– Это замечательно, я согласна, – почти перебила я заведующего, как раз собирающегося пояснить, почему оно мне не подходит.

– Боюсь, Елизавета Дмитриевна, – не сбился Владимир Петрович с мысли, – это слишком грязная работа для деликатной барышни.

Поскольку она была единственной и, можно сказать, в шаговой доступности, отказываться от нее я не собиралась. Работа, да еще связанная с моей будущей специальностью, – как раз то, что мне сейчас необходимо.

– Зато наверняка очень интересная, – нашла я что сказать. – Целительские артефакты – за ними точно большое будущее.

– Хм, действительно, как это я забыл? – внезапно оживил-

ся Владимир Петрович. – Ведь ваш дедушка, Станислав Андреевич, был известнейшим специалистом по целительским артефактам. Артефакты Седых до сих пор используются и считаются одними из лучших. Семейная тяга, значит.

Посмотрел он на меня почти умиленно, я же не стала его разочаровывать сообщением о том, что если я и знала что-то об отце матери, то только то, что тот был сильным целителем. Про его работу с артефактами я сегодня услышала впервые.

– У нас и труды его в библиотеке есть, – тем временем радостно продолжал заведующий. – Весьма, весьма выдающиеся труды. Но что это я? Вы же наверняка их читали, Елизавета Дмитриевна.

– К моему величайшему сожалению, нет. У нас дома не было ни одной книги по магии.

– Ни одной? – осуждающе повторил Владимир Петрович. – Как это непредусмотрительно.

– Значит, я могу считать должность лаборанта своей? – не позволила я ему отвлечься.

– Экая вы напористая барышня, Елизавета Дмитриевна.

И не понять, осуждает или поддерживает. Наверное, я веду себя совсем не так, как положено вести себя воспитанной девице из крупного оборотнического клана. Но тут уж ничего не поделать. Не сумела Фаина Алексеевна воспитать внучку в должном ключе, за что и пострадала как морально, так и финансово. Наверняка уже на частных детективов потратилась, не обошлась же она одними объявлениями в га-

зетах и обещаниями Волкову?

– Когда ваша жизнь зависит только от вас, Владимир Петрович, поневоле приходится быть напористой, если не хочешь оказаться там, куда запланировала засунуть бабушка. А именно – на задворках жизни.

Я попыталась скромно улыбнуться, но, подозреваю, рыси скромно не улыбаются, только хищно, потому что во взоре Владимира Петровича так и не появилось сочувствия к барышне, попавшей в беду. Впрочем, я себя таковой и не чувствовала. Разве что немного загнанной в угол, из которого уже почти выбралась.

– На задворках вам точно не суждено оказаться, Елизавета Дмитриевна. Но я не уверен, что вы справитесь с должностью лаборанта.

– А как насчет испытательного срока? – предложила я. – С предоставлением служебной жилплощади?

– Оплачиваемой, – сурово предупредил он.

– Разумеется, Владимир Петрович, – улыбнулась я совершенно счастливо, поскольку поняла: этот раунд за мной. – Я не прошу ничего сверх необходимого минимума. И приложу все силы, чтобы оправдать ваше доверие. Я очень быстро всему учусь, Владимир Петрович.

– А еще вы необычайно скромны, Елизавета Дмитриевна, – ехидно заметил Владимир Петрович, придвигая к себе еще два листа бумаги. – Учтите, если заведующий лабораторией по окончании испытательного срока откажется с вами

сотрудничать, вам придется искать другое место работы.

– Не откажется, – уверенно ответила я. – И на рекомендованные вами курсы я тоже непременно пойду. В моих интересах получить знания и показать себя с наилучшей стороны. Вы не пожалеете, что мне помогли.

– Хотелось бы в это верить, Елизавета Дмитриевна, – вздохнул Владимир Петрович. – И вот еще что. Я бы не рекомендовал вам пока проходить официальную процедуру по определению уровня дара, а всем любопытствующим отвечать, что моим артефактом показано чуть больше двухсот единиц. В целях вашей же безопасности: для полноценного обучения этого уровня достаточно, в то же время не привлечете повышенного интереса. То есть, конечно, привлечете, но как красивая девушка, а не как разменная монета в межклановых играх.

Про межклановые игры он сказал с явным неодобрением. Наверное, считает их пережитком, висящим кандалным грузом на ногах Российской империи. И в этом он, несомненно, прав: с того, кому много дано, должно и больше спрашиваться, но по факту им многое спускается с рук...

Глава 5

Первым делом я отправилась радовать заведующего лабораторией целительских артефактов тем, что так необходимый ему лаборант готов приступить к работе уже с завтрашнего дня. К сожалению, самого заведующего на месте не оказалось, и пришлось радовать того, кто там обнаружился. А именно: аспиранта Соколова Павла Владимировича, которого я сразу уведомила, что работать у них буду до начала моих занятий, предусмотрительно умолчав об испытательном сроке. А зачем о нем вообще вспоминать, я же его непременно пройду.

– Седых? – удивленно спросил он. – А если безо всякой конспирации?

– То Седых, – твердо ответила я. – Собираюсь пойти по стопам дедушки, талантливого целителя. Мне сказали, у вас в лаборатории много его работ.

– Да откуда много? – запротестовал Соколов, но немного отстраненно, словно основные мыслительные мощности уходили на решение вопроса, откуда же я, такая замечательная, свалилась к ним на голову. – Пара брошюрок, и то слишком специализированных, чтобы вы там хоть что-то поняли. Простите, если обидел, но там отнюдь не развлекательная литература, Елизавета Дмитриевна.

– Ничего страшного, – бодро ответила я. – Собираюсь сде-

лать все, чтобы не посрамить память дедушки. И разобраться во всем, в чем он разбирался, планировал разобраться и о чем даже не подозревал.

– Какие у вас обширные планы, Елизавета Дмитриевна, не боитесь надорваться? Красивым девушкам самоистязание вредно.

Не знаю, что там решил Соколов по поводу моего происхождения, но сейчас он знатно распушал хвост, пытаюсь проинформировать на меня наилучшее впечатление.

– Что поделаться? – притворно вздохнула я, решив сразу дать понять, что за мной никаких сильных кланов не стоит. – Одинокая девушка, как бы она ни была хороша, должна что-то есть и где-то жить. Кстати, мне сегодня необходимо решить еще обе эти задачи, поэтому я вас покину до завтра. В чем мне нужно приходиться на работу?

– Вам нужен лабораторный халат, – уже не с таким энтузиазмом ответил он. – Но его мы можем подобрать из имеющихся у нас. Я бы и сейчас вам выдал, но нужно разрешение Тимофеева.

Он улыбнулся с таким выражением, словно если бы все зависело от него, то он бы мне точно выделил все самое лучшее, и немедленно.

– Я понимаю, – отзеркалила я ему улыбку. – Думаю, ничего страшного до завтра не случится.

– Вспомнил! – внезапно оживился он. – Вы же Рысына.

– Я – Седых, – с напором поправила я, намекая, что слиш-

ком хорошая память не способствует хорошим отношениям со мной.

– Кстати, вы не очень-то и похожи на свою фотографию. Подождите-ка... – Он метнулся к шкафу, вытащил пачку газет и споро начал их перебирать. – Вот. Смотрите сами, Елизавета Дмитриевна.

В газете обнаружилось еще одно рысьинское объявление, на этот раз с фотографией и увеличившейся до двенадцати тысяч суммой за информацию о пропавшей любимой внучке. Как жаль, что мне нельзя воспользоваться столь заманчивым предложением. Даже телеграфируй я прямо сейчас бабушке, вряд ли выплатит. А вот Соколову... Хотя он, кажется, тоже не выглядит особо заинтересованным обещанными деньгами.

– Хотите подзаработать? – уточнила я.

Соколов сначала оскорбленно вскинулся, а потом все же решил перевести все в шутку.

– Увы, не получится, – притворно вздохнул он. – Рысьины уже наверняка в курсе, где вы. Не пошли на поводу у княгини? И правильно, – неожиданно закончил он. – Я считаю, что все эти клановые системы и сопутствующие им ограничения – пережитки прошлого. Вы со мной согласны?

– Разумеется, – подтвердила я, подозревая, что основная причина столь резких высказываний в том, что семье Соколова не удалось правильно встроиться в эту систему. Пиджачок на нем был несколько потертый и явно не из последней

модной коллекции. Даже Моськин выглядел солиднее. Похоже, целителям-теоретикам не так много платят...

– Система самодержавия насквозь прогнила, – вдохновенно вещал Соколов. – Вы не представляете, в каких условиях нынче живет университетская интеллигенция. А рабочие? А крестьяне? Разве может человек разумный жить в таких условиях?

Я забеспокоилась. Чем-чем, а свержением существующего государственного строя я заниматься не собиралась. Плох ли, хорош – мне пока было не до изучения этого вопроса, а вот получить отметку неблагонадежной личности я могла запросто. А с ней меня так же запросто могли выставить из университета прямо в любящие бабушкины руки.

– Боюсь, не нам с вами об этом судить, – осторожно заметила я. – Наше дело – целительство, а не политика.

– Наше дело – спасение людей, – возразил Соколов. – А для этого хороши все средства.

– Все законные средства, – парировала я.

– Разумеется, Елизавета Дмитриевна, – воодушевился он. – Разве я говорю о незаконных?

– Все законные целительские средства, – отрезала я и двинулась к выходу. – Всего хорошего, Павел Владимирович.

– Для вас просто Павел, – сказал он мне вслед.

Но поскольку я уже была за дверью, сделала вид, что не услышала. Вот ведь засада какая! Нужно держаться подальше от тех, кто, пролетая над тобой, может нехило обгадить.

А то, что он Соколов, а не Воробьев, даже хуже, потому что дерьма в случае чего окажется куда больше. В приметы прогадящих на счастье птичек я не верю, поэтому было бы лучше, если бы остальные беседы проходили под присмотром заведующего лабораторией. И касались исключительно рабочих вопросов.

Владимир Петрович, несмотря на то что издал приказ о моем зачислении, направил меня все же не в студенческое общежитие, а в здание, где проживали аспиранты и преподаватели. Разумеется, те, кто не имел жилья в городе. Когда я увидела свое, поняла, почему это здание такое маленькое: отсюда сбегали при первой же возможности. Комната была на одного, но совершенно крошечная, и ни о каких личных удобствах, к которым я уже успела привыкнуть, и речи не шло. Я потрогала матрац, твердый, почти как доски под ним, и подумала, что высыпаться в таких условиях сродни подвигу. Надеюсь, хотя бы клопов тут нет.

– Столоваться будете у нас али как? – спросил управляющий, не дождавшись от меня положенных при заселении восторгов.

– А какие варианты?

Я попыталась осмотреть шкаф, такой плоский, что вздумай кто туда прятать любовника, не смог бы закрыть дверцу. Впрочем, для начала ее надо было распахнуть, моих сил для такого простого действия не хватало. Дверца стояла на смерть на страже нравственности.

– У нас, в студенческой столовой, в городе. – Управляющий, заметив мои затруднения, дернул за ручки, и створки с противным скрипом распахнулись, обнажив унылое нутро с одной вешалкой. – У нас чуть подороже, чем в студенческой столовой, но тоже идут доплаты из казны. В комнатах готовить нельзя, узнаю – оштрафую.

Сговорились мы в конце концов и на проживание, и на стол, тем более что поесть я могла уже сейчас, что и стало определяющим. К тому же я предположила, что преподавателей должны кормить получше, чем студентов. В конце концов, если будет совсем плохо, просто откажусь со следующего месяца и перейду в студенческую столовую.

Завтрак не особо понравился – остывшая каша и еле теплый чай, – но был совсем не лишним. Маленький пирожок с повидлом, выданный к чаю, я есть не стала, оставила для Мефодия Всеславовича, шкатулку с которым открыла, как только вернулась с завтрака и заперлась в комнате.

– Получилось, Елизавета Дмитриевна? – осторожно уточнил он, оглядев новые, совершенно не впечатляющие владения.

– В университет зачислили, на работу приняли, – отрапортовала я. – Правда, Мефодий Всеславович, на работе возможны проблемы.

Обрисовать проблемы я не успела, поскольку в дверь постучали столь сильно и уверенно, что я сразу решила: вот он, результат неосторожного разговора с Соколовым. Да он

вообще мог быть провокатором, и сейчас по мою душу пришла полиция. Кстати, как происходит арест владеющих магией? Если маг не захочет арестовываться, случайные свидетели оказываются в опасности. Но тут уже ранее виденное зеленое плетение ворвалось в комнату, обрисовало меня и прошло сквозь домового, не посчитав его препятствием.

– Елизавета, открывай. Я знаю, что ты тут. – Кого-кого, а княгиню услышать я настолько не рассчитывала, что от растерянности попросту застыла посреди комнаты. – Или ты меня боишься?

– С чего бы мне вас бояться, дорогая бабушка? – насмешливо протянула я, открывая дверь. Почему-то осознание, что по мою душу пришли всего лишь родственники, несказанно успокоило. – Просто видеть вас желания нет.

Княгиня была одна, не озаботилась она группой поддержки. То ли была уверена, что в случае чего справится со мной без помощников, то ли хотела поговорить без свидетелей.

– Признаться, тебе удалось меня удивить, – высокомерно бросила она. – Только ради чего? Ради вот этого вот? – Презрительный кивок на жалкое убранство комнаты, в которой шкаф так и щерился дверцами, показывая пустое нутро. – Рысьины так жить не должны.

– Я не Рысьина, я Седых.

– Я бы поспорила. – Княгиня прищурилась, старательно пытаясь скрыть внезапный блеск в глазах. – Рысьиной тебя признал тотем основателя, что касается Седых... Могу я

войти или так и будем разговаривать на пороге, делая нашу беседу достоянием любого желающего?

– Входите, Фаина Алексеевна.

Я посторонилась, и княгиня прошла мимо, предоставляя мне возможность закрыть за ней дверь. Уселась она на стул с таким видом, словно тот стоял в тронном зале. Поскольку стул был единственным, наверняка она рассчитывала, что я останусь стоять и приму ее выговор со склоненной головой. Но я устроилась на кровати, которая хоть и жесткая, а все же помягче цельнодеревянного стула.

– И стоило оно того? – мягко спросила княгиня. – Лишиться всего, что имеешь, ради призрачного шанса.

– У меня ничего не было, – напомнила я. – Раз уж вы отказываете мне в фамилии Седых, то и на их имущество я претендовать не могу, не так ли?

На всякий случай я поставила полог тишины, но, похоже, в этот раз наш разговор не был интересен никому, кроме нас двоих: попыток подслушать не наблюдалось.

– А ведь я могу доставить тебе массу неприятностей, – улыбнулась она, почти мурлыча. – Не любят у нас, когда происходит захват чужого тела.

Но и я могла, в свою очередь, доставить неприятности Рысьиным.

– Я это сделала не по своему желанию, а по вашему, – напомнила я.

Княгиня подавилась теми аргументами, что собиралась

приводить дальше, и прошипела в ответ:

– Что за ерунду ты несешь?

Но, несмотря на сказанное, она весьма скоро построила свою защиту от прослушивания: ведь моей она не видела и опасалась, что рысьинские секреты узнает посторонний.

– Видите ли, Фаина Алексеевна, если сесть и спокойно подумать, почему вообще после применения заклинания, выдернувшего из тела душу, удалось притянуть хоть кого-то, приходишь к неутешительным выводам: для этого оно должно быть произнесено в присутствии тех из клана, кто сможет быстро переправить тело, оставшееся без души, к целителям. А значит, напали на нас Рысьины и они же убили Ольгу Станиславовну. Вы рассчитывали, что испуганный человек, которому не на кого и не на что будет опереться, согласится на все ваши условия. Но, простите, с убийцами мне не по пути. Доказать, кстати, присутствие людей из клана при необходимости будет проще простого.

Намекала я на снятые в квартире отпечатки пальцев, но княгиня о том вряд ли могла знать. Впрочем, на нее и без того было жалко смотреть: высокомерие с нее слетело, а вот груз прожитых лет, напротив, проявился на лице. В один момент она превратилась из молодой женщины в поникшую развалину.

– Ты не права, – хрипло выдавила она. – Мы не убивали Ольгу.

– Она сама убилась? – предположила я. – Учтите, я не по-

верю, что при убийстве не было вас или кого-нибудь другого из клана.

– Если ты так уверена в своих выводах, почему не боишься, что мы и тебя уьем? – с нехорошей улыбкой спросила Рысына.

– Вам нужен артефакт, – напомнила я, – к которому ключом является это тело.

– Ты можешь думать о нас что угодно, но мы не убивали Ольгу, – твердо сказала княгиня. – Да, все дело в артефакте, черт бы его побрал! – Она стукнула кулаком по столу, на котором словно выжженный след остался, но я пенять на порчу казенного имущества не стала. – Потому что эта дура не понимала, как опасно владение такой вещью. Я ее уговаривала отдать, что обезопасило бы вас обоих, но она стояла насмерть. Вот и...

– Поэтому вы ее решили припугнуть?

– Не поэтому. А потому, что та Лиза показала артефакт не тому человеку, и посторонним стало известно о том, что он у нее есть. Это перестало быть тайной.

– Посторонним – это Юрию Александровичу? – уточнила я, прикинув, кому именно могла показать секретный артефакт та Лиза, что была до меня. По всему выходило, что доверенных лиц у нее было не так уж и много.

– Именно. – Княгиня кивнула и сложила руки под грудью. За ее руками я следила не отрываясь: не было полной уверенности, что она не попытается меня устранить. – Что

Александр Николаевич, что его сын необычайно болтлив, поэтому вопрос был только в том, когда информация дойдет до заинтересованных людей и за внучкой начнется охота.

– А не проще было бы вернуть артефакт владельцам? Это сразу сняло бы ряд проблем.

– Сразу видно, что ты мыслишь другими категориями, – высокомерно ответила княгиня. – Владение подобным артефактом дает клану большие преимущества, пусть даже это владение тайное. Но каких-то сто лет – и артефакт считался бы уже нашей собственностью. Конечно, это большой риск и проще было бы вернуть бывшим владельцам. Но открытый возврат бросил бы на наш клан такую тень, от которой мы бы долго не оправились, если вообще смогли бы это сделать. В любом случае решать что-то можно, только имея артефакт на руках, а Ольга наотрез отказывалась его нам отдавать.

– Почему?

– Дура она была, вот почему! – огрызнулась княгиня. – Непроходимая дура! Она не доверяла мне.

Я прекрасно понимала Ольгу Станиславовну, поскольку тоже не доверяла Рысьиной, и жизнь мне успела доказать, что в этом вопросе я совершенно права.

– У нее были на то основания.

– Я ее не любила, да. Но я никогда и ни в чем ее не обманывала. Ольга была частью нашего клана, как и Лиза, и мы ни за что не стали бы намеренно причинять им вред.

– А ненамеренно?

– И ненамеренно, – холодно сказала Рысына. – Я решила просто их напугать. Признаюсь, при этом я еще учитывала вероятность прироста магии у Лизы. Мы со Звягинцевым часто размышляли, что можно сделать для нее. Она была милой девочкой, и мы бы с ней непременно нашли общий язык, не стой между нами Ольга.

Бабушка подмяла бы под себя внучку без тени сомнений и устроила бы ее жизнь так, как посчитала бы нужным. Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, потому что княгиня высокомерно вздернула подбородок и выдохнула:

– Я ее любила и не желала ей зла. Она бы точно жила лучше, чем с матерью, которая только и твердила, что ей ничего от Рысыных не нужно. Да, Лиза в клане ни на что серьезное не могла бы претендовать из-за своей наследственности, но она бы точно ни в чем не нуждалась.

– О любви и нелюбви можно говорить долго, но вы собирались рассказать, что же там произошло.

– Как только зашла речь об артефакте, Ольга убила себя и дочь, – коротко сказала княгиня. – Причем использовала плетение, не позволяющее призвать и допросить душу. Возможно, она планировала это заранее, потому что я понятия не имею, откуда она взяла это плетение. Оно, знаешь ли, не из общедоступных.

Пожалуй, это звучало довольно правдоподобно и позволяло прояснить то, чего я не могла понять раньше: зачем Рысыным понадобилось убивать Ольгу Станиславовну с доче-

рью, если артефакт при этом им не доставался.

– Это оказалось неожиданностью для моих людей, но все же они доставили обеих Звягинцеву, – так же сухо продолжила княгиня. – Тело Ольги к тому времени уже умерло, Лизино подавало признаки жизни, поэтому Звягинцев сделал все возможное, чтобы ее вытащить. И невозможное. Он, знаешь ли, тоже любил Лизу. И для нас оказалось серьезным ударом, когда выяснилось, что ты не она.

Ее глаза заблестели, но плакать при чужих, а меня она точно считала чужой, Рысына не собиралась. Она взяла себя в руки и холодно спросила:

– Удовлетворена?

Глава 6

Княгиня молчала, высокомерно задрав голову так, словно собиралась поразить меня недружественным плетением прямо из подбородка. Вероятность такого я бы не исключала, поскольку понятия не имела, на что она способна, а на что нет. Как показала практика, сила – это отнюдь не все, важно, как ты можешь распорядиться имеющимся резервом. Пока Рысына куда искусней меня по любому вопросу в магии. Врала ли она сейчас? Возможно, и нет, но наверняка что-то недоговаривала. Что-то, что она считала несущественным или, напротив, слишком существенным, чтобы выдавать мне, поскольку я для нее была Рысыной лишь формально.

Я молчала тоже. Удовлетворена ли я была ее объяснением? Разумеется, нет. Но скажи я это – и ровным счетом ничего не изменится. Княгиня объяснила только то, что собиралась, вряд ли она добавит что-то еще. Выдала необходимый минимум – и успокоилась. Ну что ж, молчать можно и вдвоем...

Паузу мы тянули обе. Несколько раз я ловила на себе недоуменный княжеский взгляд, наконец она все же не выдержала первой:

– Лиза, почему ты молчишь?

– Размышляю, что из рассказанного вами правда.

– Разумеется, все! – возмутилась княгиня. – Неужели ты мне не веришь?

По ее оскорбленному виду впору было ожидать, что меня прямо сейчас вызовут на дуэль, чтобы хоть так восстановить поруганную честь. Но была ли она?

– Разве у меня есть причины безоговорочно вам верить? До сих пор вы только и делали, что меня обманывали.

– Какая же ты нахалка, – воскликнула она больше с восхищением, чем с порицанием. – Мы непрестанно о тебе заботились. Только и делали, что помогали встроиться в общество. Заботились о тебе. Учили.

– Вы? Разве что Владимир Викентьевич.

– Не обольщайся хорошим отношением Звягинцева, – искривила она тонкие губы в неприятной улыбке. – Делал он ровно то, что я ему приказала. Запрети тебя поддерживать – он не смог бы послушаться.

– Клятва бы не дала?

– Именно. – Она чуть склонила голову, затем опять ее гордо откинула. – Удобная вещь – клятвы. Для обеспечения лояльности нет ничего лучше.

– Вряд ли Владимир Викентьевич думает так же, – не удержалась я, сразу вспомнив, как он предлагал меня удочерить, мотивируя тем, что не хочет оставлять свою собственность клану Рысиных.

– Я его не обижаю, не волнуйся, – с явной насмешкой фыркнула княгиня. – Клятва работает лишь в случае внут-

ренных клановых дел. Присматривать за тобой было необходимо, как ты понимаешь. В отличие от варианта, предлагавшегося тебе, Звягинцев может вести достаточно независимую жизнь. Клятвы бывают разные...

– В любом случае от меня клятву вы не получите никакой, – прервала я княгиню, поняв, к чему она ведет свою речь.

И опять она не разозлилась, а лишь грустно улыбнулась:

– Забавно, но ты мне напоминаешь Диму. Не внешне, нет, внешне ты пошла в маму. А вот внутренне. Характер в отца. – Она покрутила головой, словно ей внезапно стало душно. – Тот тоже не желал подчиняться. Не желал видеть над собой ничьей власти. И к чему это привело? Подумай, Лиза. Я уверена, мы можем договориться.

Этак мы сейчас договоримся до того, что я просто вцеплюсь ей в физиономию. Мне было тесно с ней в одной комнате. Внутри зарождалось глухое рычание, и мне стоило больших трудов не выпустить его наружу. Никто и никогда не вызывал у меня столь сильных отрицательных чувств. Даже Темный бог, вламывающийся в мои сны, как только у него появляется возможность. Он меня пугал, и сильно, а княгиня злила – до бешенства, до кровавых мушек в глазах. Хотелось все делать ей наперекор. Возможно, такие же чувства она вызывала у своего сына. Не вмешивайся она в его жизнь – глядишь, все сложилось бы совсем по-другому и для него, и для его семьи.

– Боюсь, договориться мы не сможем, – обманчиво мягко ответила я. – Мне ничего не нужно от вас, и я не хочу ничем делиться с вами.

– Лиза, поддержка сильного клана тебе не помешает, – снисходительно бросила Рысына. – Я говорила, что согласна предоставить тебе определенную самостоятельность? При этом не лишая ни денег, ни другой помощи.

– В обмен на что? За артефактом уже выстроилась очередь, – предупредила я. – Боюсь, вам в ней места не найдется.

– Даже так? – Она недовольно фыркнула. Подумалось, что сейчас ее рысь возмущенно дергает спиной и куцым хвостом. Зря я его не отгрызла, когда представилась такая возможность. – Что ж, мы можем не включать в договор артефакт. Пока не включать. – Она чуть насмешливо улыбнулась и сразу пояснила свою покладистость: – Мы установили на квартиру такую защиту, что без нас ты туда все равно не попадешь. И если, как ты говоришь, за ним уже стоит очередь, она стоит впустую. Хочешь не хочешь, Лиза, но тебе придется договариваться. Но артефакт – это так, приятный бонус. Мне же нужна ты как член клана.

– Временный, – сразу предупредила я.

– Вот об этом я хотела с тобой поговорить. – Княгиня почти мурлыкала, и это было ужасно подозрительно. – Не думаешь же ты, что тебе позволят пробегать без клана долго? Тем или иным способом... – она сделала выразительную паузу, наверняка напоминая о том, как она сама приняла ме-

ня в клан, не удосужившись уточнить, нужно ли мне это, – ты попадешь в какой-нибудь клан, где к тебе не будут столь дружелюбно относиться, как в родственном.

Я насмешливо хмыкнула. За время нашего общения дружелюбия со стороны Рысьиных я не заметила, как и желаниа по-родственному поддержать, а вот использовать пытались и Фаина Алексеевна, и Александр Николаевич. Юрия я вообще в расчет не принимаю: он, словно марионетка, вел свою партию только тогда, когда его дергали за веревочки. Чрезвычайно несамостоятельный офицер, такому командование поручать нельзя, только демонстрацию красивой формы. Вот с этим он справляется на отлично. Можно сказать, образцовый манекен.

– Лиза, я ведь уже предложила все забыть и начать отношения с чистого листа. Поговорим как взрослые люди. Ведь ты же взрослая, состоявшаяся личность? Сколько тебе лет было до того, как ты попала сюда? Уверена, куда больше, чем этому телу. Ровесница Лизы не придумала бы столь хитроумный план. Она бы даже из города не выбралась. Кстати, как тебе вообще удалось это сделать?

Доброжелательный тон хвалебной оды портили напряженность позы и нездоровый блеск глаз.

– С Велесовой помощью, – почти не покривила душой я. Про Песцова упоминать вообще не стоило, ибо уж этот прохиндей точно сделал бы все, чтобы у меня ничего не получилось. – Что касается моего прошлого, то я о нем совершен-

но ничего не помню. Вполне возможно, что я и не занимала чужое тело, а вернула свое.

– Характер не спрячешь, – чуть криво улыбнулась Рысьина, явно не желавшая принимать такую версию.

– Характер мог поменяться после устроенной любящей бабушкой встряски. Не всякую барышню в одночасье выбрасывают из клана как ненужную вещь.

– Я действовала в том числе и в твоих интересах, – с непоколебимой уверенностью бросила княгиня. – Не будешь же ты отрицать, что получила столько, о чем некоторые и не мечтают: и зверя, и усиление магии. Ты мне еще спасибо скажешь, если хорошо поразмыслишь. Но полноте говорить о прошлом. Рысьины не могут жить в таких условиях. – Пренебрежительный кивок на мое жилище. – Это потеря лица клана. У нас всегда было все самое лучшее.

– Очень миленькая комната, – не согласилась я. – Зачем мне больше? Вещей у меня все равно нет.

Я встала и выразительно поскрипела дверцей шкафа. Хотелось поскрипеть и дверью комнаты, но вряд ли Рысьина уйдет раньше, чем сама захочет.

– Купим, – уверенно сказала княгиня. – Недопустимо нашей представительнице ходить в чужих обносках. Лиза, итак, я предлагаю тебе максимум свободы, возможной внутри клана, вплоть до того, что ты сама определишь, за кого выходишь замуж. Разумеется, обучение мы тоже оплатим.

Что-то подобное в этом же исполнении я слышала раньше,

поэтому только улыбнулась и сказала:

– Спасибо, но мое обучение оплачивает армия.

– Пока еще нет. И они не станут оплачивать то, что можем оплатить мы. Например, сейчас – курсы по контролю, о которых мне сказал заведующий кафедрой, после обучения – стажировку у любого целителя по твоему выбору. Хочешь – в России, хочешь – в любой другой стране. И ты не будешь связана обязательствами отработки.

Княгиня была настроена щедро раздавать обещания, поэтому я решила наконец выяснить, на что же она рассчитывает, если разговор об артефакте пока откладывается:

– Что вы хотите от меня?

– Сущую мелочь, – хищно усмехнулась княгиня. – Вести себя достойно нашего клана и отдать на воспитание своего первого ребенка, рожденного Рысьиным.

Это было несколько неожиданно. Настолько неожиданно, что я засомневалась в том, что услышала. А ну как слух сыграл со мной злую шутку?

– Вы хотите, чтобы я вам насовсем отдала своего ребенка? – уточнила я.

– Зачем же насовсем? – невозмутимо ответила княгиня. – Вы будете видеться по твоему желанию. Заметь, я больше не настаиваю на браке по выбору клана. Решишь сама, за кого выходить, – расщедрилась она. – Но воспитание наследника я тебе не доверю, прости.

– Вы мне не доверили бы воспитание наследника, а я вам

даже воспитание хомячка не доверила бы! – возмутилась я.

– А вопрос уже так стоит? – Она нахмурилась и недовольно пробурчала: – Ожидаемо, конечно, но я надеялась, что ты избавилась от этой странной склонности. Впрочем, от обещания я не отказываюсь, выйдешь по своему выбору. Но хомячков будешь воспитывать сама. Мне нужна рысь.

Мое терпение закончилось.

– Убирайтесь! – прошипела я. – И никогда больше ко мне не приходите. Мы с вами не договоримся. Никогда не договоримся. Замуж я пока не собираюсь, но, если соберусь, вы будете последней, кого я приглашу на свадьбу! Воспитывайте Юрия, может, из него что приличное еще получится. Хотя с такой главой клана я в этом сильно сомневаюсь.

Княгиня даже не привстала со стула.

– Лиза, я пришла сюда не ругаться, – процедила она. – Успокойся, в тебе говорит зверь, который хочет бросить мне вызов, как главе клана. Но у тебя нет ни единого шанса. Во всяком случае, пока.

– Нужен мне ваш клан! – рыкнула я, щедро показав зубы. – Вы мне просто сами неприятны.

– Нужен, – припечатала Рысьина. – Ты пока этого не понимаешь. Не можешь оценить преимущества. Впрочем, это вопрос времени, так что вернемся к этому разговору через месяц. – Она встала, еще раз брезгливо осмотрелась и сказала: – Но жить здесь Рысьиной нельзя. У нас в Царсколевске пустующий особняк...

– Седых здесь жить можно, – отрезала я. – В Царсколеовск выходить я, пожалуй, поостерегусь. Здесь так уютно и безопасно, а там возможны варианты.

– Я решу этот вопрос, – высокомерно бросила она и ушла, не попрощавшись.

Признаться, я не поняла, какой вопрос она имела в виду, но ее уход восприняла с облегчением. Хотелось сообщить Николаю о том, что у меня все получилось, поэтому я села изучать плетение вестника, обнаруженное в учебнике для военных магов. Наверное, с усиленной защитой от прослушки посторонними, иначе с чего ему быть столь сложным?

Возможно, было бы проще с кем-нибудь передать записку. Но у меня не было ни карандаша, ни бумаги, а главное – уверенности, что записку доставят. Вдруг Рысына решила устроить блокаду? Тогда возможности что-то передать, не используя магию, у меня вообще не будет. Поэтому я провозилась несколько часов, пытаюсь составить нужное плетение и отправить сообщение. Оказалось весьма удачным, что я уже побывала в гостях у Хомякова: куда проще было построить нужный вектор. Но проще – это не означало легко. На удивление плетение оказалось куда сложнее отвода глаз даже в версии Ли Си Цына, хотя там тоже много чего учитывалось. Но там не требовалось так выгибать пальцы. Конечно, они у меня были уже тренированные, но совсем не желали изгибаться нужным образом.

Птичка у меня получилась неаккуратная, одно крыло ко-

торой было короче другого. Я даже подумала, не развеять ли ее и не создать ли другую. Но тут она задорно чирикнула, тяжело замахала крыльями и взлетела, взяв курс явно туда, куда нужно. Стукнула в стекло, и я открыла форточку, в которую она тут же выпорхнула. Направление ей приходилось постоянно корректировать, поскольку она немного забирала вправо. И все же я была убеждена, что до адресата она непременно доберется, если, конечно, преодолеет защиту университета. Последнее меня настолько беспокоило, что я провожала свою магическую поделку взглядом до тех пор, пока она не пересекла незримую границу и я не убедилась, что вестники отсюда вылетают беспрепятственно.

Я размяла уставшие пальцы и задумалась, не прогуляться ли по университету, посмотреть, нельзя ли здесь что-нибудь купить из того, что нужно прямо сейчас. Но тут в дверь постучали и мне неожиданно предложили переехать. Оказывается, в университете имелось жилье повышенной комфортности, наверное, для случаев, когда клан собирался пустить пыль в глаза, а своего жилья в столице не имел. По-видимому, княгиня решила, что урона чести не будет, если я буду жить в приличных апартаментах, а не в убогой аспирантской клетушке.

Поначалу я хотела отказаться, тем более что мебель была рысьинская и мало ли с какой начинкой – от прослушивающей до ментальной. Княгине я не верила даже на кончик когтя, но все же решила сходить посмотреть, что она приго-

товила.

Княгиня приготовила вполне приличную квартиру со спальней и гостиной. Но главное – там была нормальная ванная, увидев которую я поняла, что отказаться не смогу. Все же общие удобства – это общие удобства, не всегда доступные и не всегда удобные. Сыграло свою роль и то, что я вспомнила, что Мефодий Всеславович уверял: он может указать все лишние магические устройства. А если он их укажет, то я их отключу, сломав или нет – это уж как получится. Беспokoиться о сохранности рысьинского имущества точно не буду.

Но когда я сообщила управляющему о переезде, перенесла свои немудрящие пожитки на новое место и попыталась отпустить женщину, показавшую квартиру, выяснилось, что прислуга идет в комплекте, то есть прислана Рысьиной, чтобы за мной шпионить. Нет, конечно, объяснялось это так, что в ее обязанности входит уборка и готовка. Но кто же прямо скажет про доносы?

– Боюсь, мне ваша помощь не нужна, – довольно резко сказала я.

Чего я не ожидала, так того, что ее глаза наполнятся слезами, а губы задрожат.

– Пожалуйста, Елизавета Дмитриевна, не выгоняйте меня! – всхлипнула она. – Фаина Алексеевна будет ужасно недовольна. Она о вас беспокоится. Разве вам будет до всяких мелочей? Вам же учиться нужно. Фаина Алексеевна ска-

зала все для этого сделать. Я уже и убрала, и вещи ваши разложила. А сейчас собиралась ужином заняться.

– Какие вещи? – недоумевающе уточнила я, поскольку все вещи были при мне и никому я бы их трогать не позволила. – Где вы их разложили?

– Ваши, Елизавета Дмитриевна. В плательном шкафу.

Шкаф действительно оказался забит одеждой. Причем отнюдь не той, которая осталась в доме Владимира Викентьевича. Рысына показывала припасенный для меня пряник, если уж кнут не сработал. Пряник был так себе, не первой свежести. Но сам факт, что теперь было во что переодеться, порадовал.

На стук в дверь я не обратила внимания, поглощенная рассматриванием одежды, и сделала это зря, потому что горничная, решив доказать свою полезность, поторопилась открыть и вернуться ко мне с докладом:

– Штабс-капитан Волков с визитом.

– Не впускайте его, – всполошилась я.

Я могла бы сказать, что неприлично принимать одиноко живущей барышне таких визитеров, но, увы, это было бесполезно, потому что приставучий штабс-капитан уже стоял в моей гостиной.

Глава 7

Волков успел даже шинель снять и блистал во всем великолепии новехонького мундира. Выглядел он в точности как тот, кто устроился надолго и уходить не собирается. На рысьинском диванчике он расположился так, словно уже сидел неоднократно и насидел чрезвычайно удобное место. При моем появлении он все же соизволил встать. Этак лениво, словно показывая: все, добегалась, дорогая.

– Лиза, рад вас видеть в добром здравии.

– Не могу сказать того же о себе, – отрезала я. – Александр Михайлович, вам не кажется, что ваш визит неприличен?

– Почему же? – Он взглянул на полюбившееся на диване место, но садиться не стал, поскольку я стояла, а какие-то представления о правилах хорошего тона он все же сохранил. – У нас с вами есть нерешенные вопросы, хотелось бы их обговорить. Милочка, вы свободны, – неожиданно бросил он горничной.

– Не свободны, – торопливо возразила я, заметив, что та действительно собирается уходить. – С каких пор, Александр Михайлович, вы распоряжаетесь моей прислугой? Убирайтесь из моего дома! А то!..

Тут я замолчала, поскольку с ходу не смогла придумать никакого воздействия на нежеланного гостя.

– А то что? – насмешливо спросил он, явно наслаждаясь

моим замешательством.

– Можно вызвать службу охраны университета, – неожиданно предложила горничная, имя которой я так и не удосужилась узнать.

– Вот именно, – припечатала я. – Уверена, они найдут на вас управу.

– Зачем же сразу прибегать к боевым действиям? – Он шуточно поднял руки, выставив ладонями ко мне, отчего я сразу вспомнила, что ментальной защиты на мне нет, и торопливо ее наложила на себя и на прислугу. – Разве я вам угрожаю?

– Я попросила вас уйти. У вас нет никакого права находиться здесь без моего разрешения. А я его не давала и не даю.

– Вы необыкновенно хороши, когда злитесь, – неожиданно сказал он. – Лиза, почему вы так расположены против меня? Уверяю вас, я не ем барышень на завтрак.

И вид такой принял, словно его необыкновенно оскорбляет мое отношение.

– Разве что только потому, что вам их не подают, – заметила я, показывая, что ничуть не обманута его смирением.

– Вы меня боитесь, Лиза? Меня? – Овечья шкура к нему никак не хотела прилегать в степени, достаточной для маскировки звериного нутра. Наверное, от редкого использования рассохлась, а шерсть поела моль, и теперь сквозь прорехи нагло лезла волчья натура. – Уверяю вас, и в мыслях не

было вас обидеть. Я беспокоюсь исключительно о вас и вашей безопасности. Могу я поговорить с вами наедине?

Почти уважительный кивок в сторону горничной, которая продолжала стоять в углу гостиной с виноватым видом.

– Не можете, – твердо ответила я. – Потому что я тоже беспокоюсь о своей безопасности. Да и, строго говоря, Александр Михайлович, наш разговор не имеет смысла, поскольку вам нечего мне предложить.

– Вы уверены? – Он чуть приподнял бровь и посмотрел опять на диван этак выразительно. Мол, гостеприимная хозяйка могла наконец предложить гостю отдохнуть, не утруждать ноги больше необходимого.

Но я гостеприимной хозяйкой себя не чувствовала. Во всяком случае, по отношению к Волкову:

– Совершенно. Вы не можете предложить ровным счетом ничего, что могло бы меня заинтересовать. В свою очередь мне нечего предложить вам. Так что... – Я широко улыбнулась, намекая, что пора бы и честь знать.

– Вы себя недооцениваете, Лиза. – Он широко оскалился, больше не пытаясь притворяться милым. – Фаина Алексеевна выдала мне карт-бланш в отношении вас. Она дала согласие на наш брак.

– Неужели? – Я показала, что мои зубы ничуть не хуже, а возможно, еще и острее. И это я пока обхожусь без когтей. – Не так давно, буквально пару часов назад, Фаина Алексеевна пообещала, что мой брак будет заключен исключительно

по моему выбору. Вам не кажется, что здесь есть некое логическое противоречие?

– Ничуть, если вы выберете меня.

Я презрительно фыркнула, показывая свое отношение к его предложению.

– Лиза, – вкрадчиво протянул он, – вы просто подумайте. Наш клан – один из сильнейших, Рысьины – тоже не последний, а наш брак может их объединить. Просто представьте, какие возможности при этом открываются. – Внезапно он активировал плетение от прослушивания и продолжил уже только для меня, не играя на публику: – Лиза, вы должны отдать мне этот артефакт. Именно мне. И тогда мы станем не просто сильнейшим кланом, мы станем первыми. Да что там первыми – мы встанем над кланами.

На лице его проявился лихорадочный румянец. И это только от мысли о том, что сможет претендовать на место Львовых. Горничная обеспокоенно придвинулась. Наверное, Фаина Алексеевна все же инструктировала ее на случай нежеланных гостей. Ее движение чуть остудило Волкова, пусть она и не могла слышать, о чем мы говорим. Похоже, он понял, что в запале сказал лишнее.

– Проблема в том, Александр Михайлович, – постаралась я улыбнуться как можно менее ехидно, – что на этот артефакт претендует один из богов.

Уточняя, что претензии претензиями, а артефакт Темному богу не светит, я не стала, понадеялась, что Волкову од-

ного этого факта хватит, чтобы отступить: в споре с богами смертные обычно оказываются проигравшей стороной.

– С этим вопросом я разберусь, Лиза, если вы отдадите артефакт мне, – неожиданно ответил Волков. – Я правильно понимаю, вы уже догадались, как его можно получить?

Черты его заострились, нос хищно выдвинулся вперед, уши вытянулись и полезли через волосы, словно бамбуковые всходы, а глаза алчно заблестели. Что бы он ни говорил, артефакт его привлекал куда больше, чем я: на меня с таким вожделением и мечтой в глазах он ни разу не посмотрел. Впрочем, я бы вообще предпочла, чтобы он смотрел на кого-нибудь другого. Например, на Свиньину-Морскую... Подружиться, что ли, с ней? Полина Аркадьевна – вот лучшая защита от Волковых, особенно когда она поет. Правда, когда она поет, хочется удрать и Рысьиным, поэтому нужен некий баланс: дружба дружбой, а песенки – только Волкову.

– Неправильно понимаете, – ответила я, с удовлетворением увидев промелькнувшее на его лице разочарование. – Я все так же далека от разгадки, как и раньше.

– Давайте попытаемся разгадать вместе, – предложил он. – Моя помощь и знания к вашим услугам.

– Постараюсь обойтись своими силами.

– Лиза, это важно для страны, понимаете?

На мой взгляд, «Государство – это я» Волкову было говорить преждевременно, но я не стала на это пенять, ограничилась лишь замечанием:

– Я понимаю, что страна прекрасно живет без пропавшего артефакта, проживет и дальше.

– Вот как?.. Вы узнали?.. Или подсказал кто?

– Догадалась. За обычным артефактом не будет вестись такая охота. А вы сейчас подтвердили мою догадку.

– Подтвердил что? – с деланным изумлением спросил он. – Я вам ничего не подтверждал. Лиза, я просто уточнил, не ввел ли кто вас в заблуждение относительно артефакта. Очень нужного мне артефакта. И вам, если вы согласитесь стать... моим союзником. Да, для начала – союзником.

– Я подумаю, – решила успокоить его я. – А сейчас все же покиньте мой дом. У меня был тяжелый день, я устала. А вы знаете, господин штабс-капитан, что барышни не любят навязчивых кавалеров? Если нет, то я вам сейчас это сообщаю.

Но Волкова выставить не получилось, поскольку у него остались еще невыясненные вопросы, один из которых он тут же вывалил на меня.

– Спрашивать, как вам удалось сюда добраться и кто вам помог, разумеется, бесполезно? – с легкой досадой поинтересовался он.

– Мне никто не помогал, – доверительно ответила я. – Только мешали. Буквально все, с кем встречалась. А кто-то даже убить пытался.

– Кто эти нехорошие люди, Лиза? – воодушевился Волков, принимая воинственный вид защитника справедливости. – Скажите мне, я призыву их к порядку.

Наверное, настойчивость – хорошее качество для его обладателя, но не для окружающих. Сейчас я сама была готова убить нежеланного визитера. Остановливало не то, что на территории наверняка нельзя хоронить столь высокопоставленные трупы, а то, что как раз в труп, к сожалению, я его превратить не смогу, а при попытке нападения из университета вылечу, даже не начав учиться, чего никак нельзя было допустить. Возможно, Волков как раз на это и рассчитывал, пытаясь вывести меня из себя? Поэтому улыбаемся и делаем вид, что все идет по плану. Моему или волковскому – не суть важно.

– Я вам так признательна, Александр Михайлович. – Вспомнив манеры мисс Мэннинг, я положила руку на плечо штабс-капитана и призывно улыбнулась. – Так признательна. Хоть кто-то обеспокоился судьбой бедной сироты.

– Итак, мы союзники? – уточнил он и прижал мою ладонь своей.

Уверенно так прижал, не сомневаясь в моей капитуляции. Я подергала рукой, но она словно в капкан попала. Пожалуй, это было стратегической ошибкой – настолько приближаться к противнику. Лапу я себе отгрызать была не готова, поэтому продолжила игру в ласковую кошечку.

– Разумеется, – прошебетала я. – Разве можно устоять перед вашим напором, Александр Михайлович?

– Я сообщаю княгине, что ваш выбор пал на меня, – даже без тени вопроса сказал он.

– Не стоит торопиться. Вы за мной еще даже не поухаживали как следует.

Я кокетливо стрельнула глазами, жалея, что не могу сделать этого буквально. В конце концов, огнестрельное оружие – не магия, а труп Волкова можно было бы попытаться вывезти, закатав в ковер. Наверняка Рысына горничную ко мне приставила как раз на такой несчастный случай. Вон у нее какой подозрительный вид, словно прятать трупы ей не впервой. И руки подозрительно под фартуком держит. Я присмотрелась и чуть не упала от удивления: у горничной действительно наготове был какой-то артефакт. Но проверять, на чьей стороне он сыграет, моей или штабс-капитана, не хотелось. А вот уточнить, какие инструкции на мой счет ей дала Фаина Алексеевна, стоило бы, но, разумеется, не при Волкове.

– Мы можем прогуляться. Вы наверняка еще толком не видели Царсколевска.

Он расслабился, и мне удалось выдернуть руку. Да, то, что подходило мисс Мэннинг, совершенно не подходило мне. Ей Волков был всего на один укус. Наверное. Я вспомнила, как нанизала ее на сосульку, и подумала, что Волков это проделал бы куда быстрее и наверняка куда элегантнее. Мне до его уровня еще учиться и учиться. Но попытки выманить меня из университета казались не слишком серьезными, словно он и сам не особо рассчитывал на успех, а лишь проверял: вдруг получится?

– Мы можем прогуляться только по территории университета. Знаете, Александр Михайлович, я его тоже толком еще не видела. Сейчас как раз такой чудный день. – Я бросила взгляд на окно, за которым уже было темно, и поправилась: – Чудный вечер. Так что прогуляемся в другой день.

Я уже подумывала, не воспользоваться ли предложением горничной и не вызвать ли университетскую охрану, если это возможно, когда внезапно раздался стук в дверь. Горничная метнулась в прихожую, а Волков чуть удивленно спросил:

– Вы кого-то ждете?

– Я и вас не ждала.

Волков развеял плетение и сделал это вовремя, так как горничная вернулась и важно спросила:

– Поручик Хомяков спрашивает, примете ли вы его?

Поручик? Его повысили в звании? Наверняка после того покушения на цесаревича, о котором я даже не расспросила, больше интересуясь отношениями Николая с великой княжной. А ведь тогда его вполне могли убить.

– Этот-то откуда здесь взялся? – не скрывая раздражения, бросил Волков.

– Разумеется, приму.

Горничная отправилась сообщать радостную весть Николаю, а Волков осведомился неприятным лающим тоном:

– Откуда Хомяков знает, что вы тут?

– А откуда знаете вы? Или это секрет?

– Какой секрет? Мне сообщила Фаина Алексеевна. Это

входит в наши договоренности. Но откуда узнал Хомяков?

– Возможно, с Хомяковыми тоже есть договоренности? – насмешливо предположила я. – Фаина Алексеевна очень договороспособная особа. Сегодня она дружит с одними, завтра – с другими. Возможно, ее расположение к вам закончилось, когда вы не сумели меня найти.

Выяснить, получилось ли заронить сомнения в дружелюбии Рысьиной по отношению к Волкову, мне не удалось, поскольку Николай как раз зашел в гостиную и был неприятно поражен наличием в ней родственника. Поздоровался, но на его лице проступило такое искреннее огорчение, что я, не задумываясь, сказала:

– Господин штабс-капитан пришел без моего приглашения и уже уходит.

– Я решил задержаться, Лиза, – совершенно нагло ответил Волков. – Вы же не так давно говорили, что неприлично столь юной барышне находиться в компании офицера. Вот я вам и помогу соблюсти приличия.

– Я говорила про вас, Александр Михайлович. Уверена, что присутствие Николая меня ничуть не скомпрометирует. Мне нужно с ним поговорить. Наверняка у него есть известия об Оленьке. Я так переживала, не случилось ли с ней чего-нибудь.

– Коля, откуда ты узнал, что Лиза в университете? – внезапно спросил Волков.

Я, прикусив губу, посмотрела на Николая, пытаюсь дать

ему понять хоть как-то, чтобы он умолчал о моем вестнике. Ужасно не хотелось, чтобы штабс-капитан узнал, что нас с Николаем что-то связывало. Не потому, что я этого стыдилась, вовсе нет, а потому, что мне казалось, свои интересы Волков ставит куда выше родственных отношений, и в случае чего, щадить Хомяковых не будет. Но врать Николай родственнику точно не станет, так что я заранее начала прикидывать, как смягчить могущие возникнуть проблемы. Идей не было никаких: я понятия не имела, чем смягчаются Волковы...

– Это одна из главных сегодняшних сплетен в царсколевских салонах, – неожиданно ответил Николай.

– И что именно говорят? – удивилась я, недоумеваю, долетела ли вообще моя кривобокая птичка до адресата или свалилась где-то по дороге. Конечно, это ни на что не повлияло, и все же мне было бы немного досадно, окажись мое плетение нежизнеспособным.

– Все разговоры крутятся вокруг поступления в университет. Кто говорит, что это произошло по решению княгини, кто – вопреки. Сама Фаина Алексеевна, по слухам, твердит о необходимости пройти несколько курсов до начала основного. Что касается объявлений в газете, то княгиня говорит, что это было в рамках испытаний наследницы, которая их с честью прошла.

Какая находчивая у меня бабушка! Чего только не придумает, чтобы сохранить лицо. Волков, конечно, этому не по-

верил, но вот те, кто не в курсе ситуации, – вполне.

– Садитесь же, Николай, – предложила я и радостно потянула его за руку к диванчику, Горничную, которая не торопилась покидать гостиную, я спросила: – Вы можете организовать чай для гостя?

– Для гостей, – усмехнулся Волков и нагло уселся в кресло. – Я не могу позволить компрометировать мою будущую супругу.

– Это уже переходит все границы! В вашем возрасте обычно уже не предаются юношеским мечтаниям, Александр Михайлович, – прошипела я. – А супругой вашей я только в ваших мечтах и могу быть.

– Кто знает, Лиза? Жизнь непредсказуема...

– Саша, мне кажется, тебе стоит уйти, – внезапно твердо сказал Николай. – Лиза тебя уже несколько раз об этом просила.

– И не только уйти, но и не приходиться больше, – зло бросила я.

– Не думаю, кузен, что тебе стоит влезать между мной и Лизой, – процедил Волков. – Ты ей кто? Брат подружки? А я одобрен Фаиной Алексеевной.

– Куда важнее то, кто одобрен Лизой, – отрезал Николай. – Так что это тебе не стоит влезать между нами.

Слово было сказано, и изменить я уже ничего не могла. Боже мой, ну почему горничная вообще впустила Волкова, который сейчас сидит и смотрит на противника, словно при-

кидывая, когда и откуда начинать его есть?

– А ты одобрен? – нехорошо усмехнулся Волков.

– Да, – твердо ответила я, понимая, что хуже быть не может. – Он одобрен мной, а если Фаина Алексеевна одобрила вас, то можете на ней и жениться. А меня будьте любезны оставить в покое.

Глава 8

Филипп Георгиевич, заведующий лабораторией целительских артефактов, к моему появлению отнесся довольно прохладно. Возможно, дело было даже не в том, что на этом месте он наверняка видел «юношу бледного со взором горящим»¹, а в том, что вчерашний визит ко мне двух офицеров не прошел незамеченным и мнение обо мне сложилось как о девице весьма легкомысленной. И это еще Фаина Алексеевна не знает о моей работе и не провела соответствующего инструктажа с работодателем.

Вчерашний вечер не удался. Волков ушел только вместе с Хомяковым, как я ни пыталась штабс-капитана выставить раньше. Он внезапно вспомнил о приличиях и начал вещать о допустимости и недопустимости тех или иных действий. Причем с таким видом, словно его присутствие в гостиной делало любую ситуацию приличной, а присутствие родственника – напротив. Волков даже намекнул на скандальную историю брака хомяковских родителей. Но поскольку прошелся этак вскользь, я предпочла сделать вид, что ничего не поняла, и, пока покрасневший Николай не сказал чего-нибудь непоправимого, торопливо всунула им обоим так вовремя принесенные горничной чашки с чаем и завела разговор на

¹ Чуть измененная строка из стихотворения В. Брюсова «Юному поэту» (*здесь и далее прим. авт.*).

нейтральную тему – об Оленьке, заодно выяснила, что та собирается тоже поступать в следующем году в одно из царско-левских учебных заведений, только пока окончательно не решила куда. Известие меня обрадовало: как ни странно, мне казалось, что мы с ней дружим уже много-много лет, поэтому мне ее ужасно не хватало. И вообще, ужасно не хватало тех, кому я была нужна просто потому, что я – это я, а не из каких-то высших клановых соображений.

В результате с Николаем мы толком не поговорили и, боюсь, не поговорим в ближайшее время. Наверняка Рысына уже предприняла какие-то действия по устранению неугодного Хомякова из моей жизни. Горничную, подсунутую любящей родственницей, по здравому размышлению, я решила оставить: было бы куда хуже, если бы Волков вломился в квартиру, в которой, кроме меня, никого бы не оказалось. А так Мефодий Всеславович обещал присмотреть за рысинской шпионкой и не позволить ей очень уж нагнать. Квартира, кстати, ему понравилась. Сказал, что света в ней достаточно. И ужин от Полины – так звали горничную – тоже одобрил. Что касается артефакта, который я у нее заметила, то я так и не выяснила, что это было, а домовой сказать не мог, потому что к тому времени, когда я открыла шкатулку, артефакт уже не работал.

Я могла размышлять об этом в свое удовольствие, поскольку мой труд мозги не задействовал: Филипп Георгиевич после совсем краткого инструктажа выдал мне халат,

чистый, но не слишком новый, отсыпал горсть мелких однотипных серебряных деталек, вручил моток тонюсенькой серебряной же проволоки и коробочку с крошечными кристалльчиками. Все это нужно было собирать по определенной схеме, которую мне тоже выдали. Заведующий лабораторией объяснять ничего не стал и вообще выглядел так, что я сочла за лучшее лишний раз к нему с вопросами не лезть, а кроме него, пока больше никого не было. Насколько я поняла, сотрудников не слишком много и те предпочитают работать либо по домам, либо по лечебницам. Обязательный присутственный день был лишь один – пятница, и то поближе к обеду. То ли для того, чтобы сотрудники успевали выспаться, то ли потому, что рано с утра все заняты с пациентами, – что называется, выбери свой вариант. Подозреваю, что работали оба, в зависимости от того, о ком шла речь.

Сам же заведующий лабораторией принялся колдовать под вытяжкой, вываривая кусок темной древесины в растворе, фoniaщем магией. Время от времени он сверялся с часами и добавлял по капле жидкость из темного пузатого флакончика, больше похожего на бутылку с коньяком, чем на химическую посуду, что особенно усугублялось закручивающейся крышкой. Но был бы там коньяк, Филипп Георгиевич наверняка вливал бы его не только в зелье, но и в себя, да и в воздухе витал бы не этот странный запах, в котором я улавливала отдельные нотки, но, кроме сандала, мне ни одна не была знакома.

Ближе к обеду Филипп Георгиевич затушил спиртовку, отставил посудину с деревяшкой, пошебуршал немного бумагами, потом снял рабочий халат и набросил пальто с небольшим каракулевым воротником, явно собираясь уходить.

– Филипп Георгиевич, – спохватилась я, поняв, что меня сейчас оставят в одиночестве, – какие будут указания?

– Да какие указания? – чуть раздраженно буркнул он. – Закончите с заготовками и, если никто больше не подойдет, закройте дверь и сдайте ключ. Ключ – вон он.

Он указал на гвоздик около двери, на котором и в самом деле болтался затейливый ключ, и взялся за ручку.

– Но мне всего пару штук осталось доделать, – опять остановила я его. – А рабочий день еще не закончен, я могу сделать что-то еще.

– Что-то еще, что-то еще, – проворчал Филипп Георгиевич. – Книжки вон почитайте, если так не хотите раньше времени уходить. У нас большая тематическая библиотека. Вам будет полезно, если вы действительно собираетесь стать целителем.

– Действительно собираюсь, – подтвердила я. – Значит, вы даете разрешение брать любые книги из лабораторной библиотеки?

– Брать – даю, выносить – нет, – коротко ответил Филипп Георгиевич и, не дожидаясь могущих возникнуть дополнительных вопросов, добавил: – Всего хорошего, Елиза-

вета Дмитриевна.

Я даже не успела спросить, вернется ли он сегодня, как он вышел и захлопнул за собой дверь с громким стуком. Ох, не нравится ему мое назначение. Настолько не нравится, что он даже не дает себе труда это скрывать. Интересно почему? Самое вероятное – давние принципиальные профессиональные разногласия с моим дедушкой, но варианты неприязни к оборотням в целом и к Рысьиным в частности тоже отбрасывать не стоит. Или даже он был некогда влюблен в мою бабушку, а та не ответила взаимностью. Или ответила, но замуж не вышла. Короче говоря, гадать можно долго, но безрезультатно.

Я довертела проволоку на заготовки, закрыла коробочку, в которую их складывала, и поставила на стол заведующего. После чего с чистой совестью пошла смотреть книги. Вдруг там найдется хоть что-нибудь такое, что смогу понять даже я?

Первый шкаф, к которому я подошла, оказался заперт, и не только на ключ, но и на плетения, вскрыть которые я теоретически могла, но посчитала не слишком правильным это делать в первый же рабочий день. Поэтому я только и смогла, что прочитать названия и фамилии авторов на корешках, большая часть которых была потрепана в такой степени, что разобрать написанное удавалось лишь с большим трудом. И все же я усмотрела целых четыре книги авторства Седых: одну такую тоненькую, что фамилия и название влезли на ко-

решок с трудом, и три вполне себе солидных академических талмуда, один из которых именовался «Введение в целительскую артефакторику». Во втором шкафу, который тоже оказался заперт, содержались преимущественно папки, судя по высунувшемуся кончику листа, с отчетами. И лишь дверка третьего послушно распахнулась, явив нутро шкафа, забитое всяческими книгами от совсем тоненьких брошюрок до толстенных талмудов. Правда, выяснилось, что все они были справочниками, то есть совершенно бесполезной вещью при моем уровне образования. В самом деле, к чему мне знать про изменяющийся процентаж при готовке больших объемов зелья, о котором я слышала впервые? Или расчет углов в артефакте, даже название которого звучало для меня китайской грамотой. Впрочем, Ксиу поняла бы ровным счетом столько же.

Я все еще грустно перебирала содержимое шкафа, надеясь найти что-то полезное, когда пришел Соколов.

– Добрый день, Елизавета Дмитриевна! – радостно возопил он. – А я-то думал, почему ключ не сдан. Старик-то в это время никогда тут не бывает.

– Старик? Павел Владимирович, вы о ком?

– Тимофеев, – пояснил Соколов.

– Не такой уж он и старый.

– Старый, старый, – убежденно сказал аспирант, – просто выглядит хорошо для своих лет. А еще ужасно педантичный и занудный.

– Зато наверняка хороший специалист, – осторожно заметила я. – Иначе не стал бы заведующим такой непростой лаборатории.

– Специалист он прекрасный, Елизавета Дмитриевна, в этом вы совершенно правы. А вот со вторым вашим утверждением можно и поспорить, поскольку, по слухам, заведующим лабораторией он стал исключительно по причине происхождения.

– Происхождения?

– Вы не в курсе, что он в родственных отношениях с Соколовыми? В их клане и состоит, – продолжал меня просвещать Соколов. – Старик – ретроград еще тот, поддерживает устаревшую клановую систему всеми силами, представляет?

– Может, он не считает ее устаревшей?

– Естественно, его же не касается нищета, – горько сказал Соколов.

– Подозреваю, вас тоже, – не без ехидства заметила я, поскольку аспирант хоть и не выглядел особо преуспевающим, но и голодающим тоже.

– Но это не значит, что я не могу переживать за других, – гордо ответил он. – Елизавета Дмитриевна, вы не представляете, в каких условиях живет простой народ, в то время как кланы жируют. Если бы вы хоть раз увидели, не могли бы говорить без слез на эту тему.

– Павел Владимирович, не могли бы вы посоветовать мне

литературу для чтения? – решила я уйти от опасного разговора.

– Разумеется, Елизавета Дмитриевна, – оживился он. – Только имейте в виду, что посторонним показывать нельзя, иначе и у вас, и у меня будут неприятности.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака тоненькую брошюрку, на которой без указания авторства просто было написано: «Пауки и мухи». И выглядела она не совсем так, как положено выглядеть научным или учебным трудам, поэтому сразу закралось подозрение, что с этой книгой что-то нечисто. В руки я ее брать не стала и вообще сделала вид, что ничего не понимаю:

– Почему нельзя показывать? Филипп Георгиевич мне разрешил пользоваться библиотекой лаборатории, но согласовывать с ним, если я захочу что-то изучить дома. Только мне нужны книги по артефактам, а не по энтомологии.

– Энтомологии?

– К чему мне подробности жизни пауков, Павел Владимирович? Я это прекрасно наблюдала в клане, – не удержалась я от шпильки по отношению к Рысьиным. – Я столь гадкими существами не интересуюсь вовсе. Мне нужны такие книги, которые помогли бы в работе здесь, понимаете?

– Эка вы точно про кланы отметили, Елизавета Дмитриевна, – чуть смущенно ответил Соколов, убирая книгу туда, откуда ее достал. – А что мы с вами так официально? Я вам еще вчера предлагал обращаться ко мне просто Павел.

Время обеденное, может, нам с вами сходить в столовую? Здесь прекрасная студенческая столовая, – разливался соловьем Соколов. – Кормят хорошо и недорого. Можем обсудить все за едой.

В столовую с ним идти не хотелось, но и оставаться вдвоем в лаборатории тоже, поскольку упорно казалось, что Соколов пытается вовлечь меня во что-то противоправное. Похоже, «Пауки и мухи» – самый настоящий антиправительственный памфлет. То-то Соколов так оживился, когда я про клан заговорила. Наверняка решил, что я все поняла и его поддерживаю.

– Спасибо за приглашение, Павел Владимирович, но я совершенно не голодна. Быть может, вы все же посоветуете нужную литературу и я возьму книги в библиотеке университета? Я же имею право ею пользоваться как сотрудник?

– Разумеется, Елизавета Дмитриевна, имеете, – довольно кисло ответил Соколов. – Я бы рекомендовал вам взять «Основы целительства». Но ограничиться исключительно теорией. Практика без присмотра не разрешена и даже может быть опасна.

– Огромное вам спасибо, Павел Владимирович. – Я сняла с вешалки свой полушубок. – Тогда я прямо сейчас отправлюсь в библиотеку, поскольку Филипп Георгиевич заданий мне не оставил. Хорошего вам дня!

Я рванула за порог, словно за мной черти гнались, и, только выскочив из здания, вспомнила, что так и не спросила,

где брать ключи от закрытых книжных шкафов. Почему-то ужасно захотелось посмотреть, чем же таким занимался мой дедушка. Но возвращаться я не стала. Более того, почему-то подумалось, что плохое отношение заведующего лабораторией могло быть следствием хорошего отношения аспиранта. А ну как Соколов поделился с Тимофеевым своим мнением о моем отношении к кланам и заявил, что я его во всем поддерживаю? С него стало бы...

В библиотеку я все-таки ходила, а потом пошла домой. Как ни странно, я успела напрочь забыть о Полине, зато она обо мне не забыла и даже приготовила обед, оказавшийся на удивление неплохим. Мефодий Всеславович тоже одобрил, хотя не преминул сообщить, что горничная изучала мои вещи с превеликим тщанием. Не знаю, удалось ли ей найти что-то, могущее заинтересовать Фаину Алексеевну: учебники по магии все так же лежали под отводом глаз, а в документах не было ровным счетом ничего компрометирующего. Остальные же вещи были щедро предоставлены Рысьиными, поэтому ройся там, не ройся – ничего нового не отроешь.

До вечера я с интересом изучала «Основы целительства», придя к заключению, что к ним неплохо было бы взять еще анатомический атлас, и чем подробнее, тем лучше. Но в библиотеку не вернулась, поскольку обнаружила раздел, посвященный диагностике по ауре, где вскользь прошлись по тому, как все-таки эту ауру видеть. Оказалось, что это доступно отнюдь не всем и большая часть целителей использует для

этой цели диагностические плетения. С силой дара умение видеть ауру было никак не связано, нужно было умение входить в особое состояние, но как его достичь, описывалось довольно невнятно, или мне не хватало знаний понять написанное. В любом случае оказалось, что существуют плетения и артефакты, позволяющие видеть ауру, что, несомненно, радовало.

Когда пришла пора отправляться на курсы, учебник я отложила с сожалением, хотя чем больше я читала, тем больше появлялось вопросов, ответы на которые получить было не у кого. Разве что попытаться поспрашивать на курсах? Вряд ли преподаватель откажется помогать любознательной ученице.

На курсы я шла в приподнятом настроении, которое испарилось очень быстро, поскольку первой, кого я обнаружила в аудитории, была Свиньи́на-Морская во всем своем великолепии. Заметив, как я вошла, она устремилась ко мне с таким пылом, что я почему-то решила: будет бить. Как-никак от того, чтобы стать женой Волкова, Полину Аркадьевну отделяла сущая мелочь – предложение руки и сердца от кавалера. А все и всех, могущих воспрепятствовать ее будущему счастью, Поленька наверняка сносила тараном со своего пути.

– Елизавета Дмитриевна Рысы́на? – уточнила она.

– Да, это я, – призналась я, подавив малодушное желание сказать: «Нет, вы ошиблись».

– Полина Свиньи́на-Морская, – гордо отрекомендовалась Поленька. – Как удачно, что на этом курсе есть приличные люди. Благородные роды́ должны держаться вместе, вы согласны?

Я неопределенно дернула плечами. Конечно, эта особа не попытается всучить подозрительную литературу про насекомых, но и сидеть с ней – то еще удовольствие.

– Представляете, Елизавета Дмитриевна, меня не хотели пускать на эти курсы, – тем временем тараторила Поленька, возмущенно колыхая выдающимся бюстом, – сказали, что у меня слишком мало магии, чтобы учиться ее контролировать. Мол, пустая трата денег, представляете, какая наглость?

– Может, они за вас беспокоились? – предположила я, попытавшись уйти с прохода. Это было стратегической ошибкой, поскольку Поленька посчитала это капитуляцией с моей стороны и с упорством бультерьера потащила меня к тому столу, за которым сидела до моего прихода. – Чтобы не вгонять вас в лишние траты?

– За наши деньги беспокоимся мы сами, – отрезала Поленька. – Мне лучше знать, что мне нужно, а что нет. Любой талант можно развить в должной мере, если им заниматься. Я уверена, что у меня с магией полный порядок, просто она спит.

– Спит?

– Спящая магия, – прошептала Поленька, склонившись

ко мне совсем близко. – В сильных старинных родах такое бывает сплошь и рядом. Вот хотя бы вас взять, Елизавета Дмитриевна. У меня тоже проснется.

Она так посмотрела на входную дверь, в которой должен был с минуты на минуту появиться преподаватель, что я сразу поняла: ему очень не поздоровится, если у Поленьки не проснется магия. Это будет означать, что преподаватель некомпетентен и находится не на своем месте. Занятия потеряли половину своей прелести, но тут я вспомнила, что Поленька – лучшая защита от Волкова, если держать ее рядом. Но с курсов ее лучше бы отправить в другое место.

– Уверена, у вас достаточно талантов и помимо магии. Не стоит заикливаться на чем-то одном.

– Это вы уже слышаны о том, как я пою? – польщенно улыбнулась Свиньиная-Морская. – Признаться, я могла бы сделать карьеру в опере, не будь это столь неприличным занятием для девушки из такой семьи, как моя. Даже мисс Мэннинг... Надеюсь, вы слышали об этой английской певице? Весьма, весьма талантливой, ее еще золотым голосом Альбиона называют... Так вот, даже сама мисс Мэннинг признала, что уступает мне по силе голоса.

Поленька победно на меня посмотрела. Еще бы: бедная мисс Мэннинг теперь ни подтвердить, ни опровергнуть не сможет, поскольку давно и безнадежно мертва. Да и при жизни со Свиньиной-Морской ни разу не встречалась. Но заявлять такое потенциальному союзнику – весьма неблагоприятно.

зумно, так что я только восторженно распахнула глаза и промурлыкала:

– Да что вы говорите? Сама мисс Мэннинг?

Глава 9

Доказать Полине Аркадьевне, что контролировать можно только то, что у тебя есть, не удалось и преподавателю. Она сузила свои и так невеликие глаза, презрительно фыркнула и бросила:

– Неконтролируемая магия опасна, так, Дмитрий Олегович?

Судя по всему, подготовилась она к занятию куда лучше меня: во всяком случае, знала не только время и место, но и имя преподавателя. Впрочем, я и не планировала вести боевые действия, на которые сейчас нацелилась Поленька.

– Так, – осторожно согласился он.

– Ну так вот, когда у меня появится магия, я буду уметь ее контролировать, – победно завершила Свиньи́на-Морская. – Даже папа говорит, что я очень предусмотрительная, потому что с моим характером нельзя пускать изучение магии на самотек.

– Но вам нечего пока изучать... – чуть растерянно возразил преподаватель.

– А когда будет, контролировать будет уже поздно.

– Дело в том, Полина Аркадьевна, что специфика занятия предполагает обращение к источнику...

– Замечательно, – не терпящим возражения тоном прервала его Свиньи́на-Морская. – Вот вы мне и помогите его

обрести.

– Я могу помочь только раскрыть имеющийся.

– Тогда занимайтесь тем, чем можете, – отрезала Полина Аркадьевна. – Раскрывайте.

Она насупилась, крылья носа начали грозно раздуваться, более не сдерживаемая злость вырывалась пыхтеньем, как от готовящегося к движению паровоза. Да уж, такой паровоз и без магии, пройдя по университету, оставит от него только руины.

– В самом деле, контроль вам не мешает, – заметил Дмитрий Олегович.

Меланхолично этак заметил и отошел к кафедре, на которой уже были разложены бумаги. Возможно, ему было еще что добавить, но то ли он заключил, что непробиваемую уверенность Свиныной-Морской-младшей ему не пробить, то ли просто решил не затягивать с началом занятия.

– Вот как с ними надо, – обратилась уже ко мне Свинына-Морская. – Думают, если я девушка, так мне и учиться не нужно. Знаете, Елизавета Дмитриевна, в последнее время этих женоненавистников развелось – просто ужас какой-то. Так и норовят мои права ущемить! Но не на ту напали. Я свои права знаю. Взялся учить – учи!

Умение Поленьки видеть только то, что она хочет, вызвало восхищение. Желание преподавателя избавиться от студентки было связано вовсе не с ее полом, но к чему указывать на очевидное, если сейчас мне требуется не отталки-

вать от себя новую знакомую, а создать из нее щит? Таранный...

– Может быть, обойдемся без официоза? – предложила я.

– Разумеется, – воодушевилась Полина Аркадьевна. – Ты совершенно права, Лиза. Официоз между близкими подругами – всегда лишнее.

Я несколько опешила от скорости развития нашей дружбы, но тут раздался звонок, Дмитрий Олегович прокашлялся, возвещая начало занятия, и сказал:

– В прошлый раз мы с вами разучили одно из базовых упражнений...

– Меня в прошлый раз не было, – напомнила Свиньи-на-Морская, словно преподаватель успел про нее забыть. – И Лизы Рысьиной тоже не было. То есть для вас Елизаветы Дмитриевны, разумеется.

Если таковым образом она хотела подчеркнуть наши с ней близкие отношения, то это ей удалось, поскольку Дмитрий Олегович теперь и на меня посмотрел безо всякой приязни. Наверное, решил, что я тоже сейчас начну выкатывать требования багажными вагонами, совершенно не интересуясь, выполнимы ли они вообще.

– Барышня, если у вас есть вопрос, вы должны поднять руку и дождаться, когда я вас спрошу, а не прерывать меня на полуслове, – чуть раздраженно сказал преподаватель. – Я подойду к вам, как только дам задание остальной группе.

– С ними нужен глаз да глаз, – принялась просвещать ме-

ня Поленька вполголоса. – Наверняка планировал про нас вообще забыть, не напомни я – точно бы не подошел. Но я деньги уплатила, так что пусть отрабатывает.

Тем временем преподаватель, недовольно косясь в нашу сторону, напоминал об изученном в прошлый раз упражнении. Я бы с большим интересом послушала его, чем сидящую рядом Свиньину-Морскую, которая продолжала бухтеть на тему вложения денег в собственное образование. Из ее слов выходило, что за каждый вложенный рубль она собирается получить не меньше тысячи. На мой взгляд, это было возможно только в одном случае: если университет выплатит неустойку за недоданные знания. Шансы у Поленьки были: знаний ей точно недодадут. Во всяком случае – по этому вопросу, потому что, когда преподаватель подошел к нам с объяснениями, первое, что он сказал, – необходимо найти источник и обратиться к нему. И уже потом, когда это получится, прогонять по каналам заданное количество магии, не выпуская наружу, но и не давая рассеяться.

Каждой из нас он вручил по артефакту, который не позволил бы вырваться наружу магии, если бы вдруг произошел сбой. Для Свиньиной-Морской это, конечно, было формальностью, но она непременно устроила бы скандал, не получив то, что выдали остальным. Она и без того недовольно заявила, что артефакт выглядит слишком старым и потертым, поэтому наверняка не работает.

– Не волнуйтесь, их проверяют перед каждым использо-

ванием. – Терпению Дмитрия Олеговича можно было только позавидовать. – Так что вашу магию он непременно удержит.

– Вы меня пытаетесь оскорбить?! – сразу взвилась Свинына-Морская.

– Артефакт рассчитан на удержание магической энергии, которую может выдать маг с силой пятьсот единиц. Вы рассчитываете, что у вас будет больше? – без тени улыбки поинтересовался преподаватель. – Тогда, конечно, вам нужен другой. Но в этом случае нужны не только усиленные артефакты за дополнительную оплату, но и индивидуальные занятия.

– Индивидуальные занятия? – заинтересовалась Свинына-Морская. – То есть я потенциально сильный маг, а вы хотели меня лишить занятий даже в группе? Это преступление против интересов страны!

Мне показалось, что у преподавателя чуть не вырвалось крепкое словцо, но не зря же он учил концентрации: взял он себя в руки тут же и почти спокойно спросил у меня:

– Елизавета Дмитриевна, вам понятно, как следует делать упражнение?

– Да.

– Тогда почему вы сидите и ничего не делаете? Уверю вас, я вашу подругу не обижу. Вы же, пока я нахожусь рядом, в любой момент можете ко мне обратиться, если что не получится. Только артефакт активировать не забудьте.

Честно говоря, меня несколько обеспокоила ненулевая ве-

роятность того, что емкости артефакта может не хватить, но озвучивать свои тревоги я не стала. Во-первых, незачем посторонним знать о моей силе, а во-вторых, я совершенно не собиралась терять над ней контроль. Так что я только кивнула, активировала артефакт и закрыла глаза для лучшей сосредоточенности. Упражнение было несложным, что-то подобное я уже отработывала под присмотром Владимира Викентьевича, так что затруднения оно не вызвало.

– Итак, Полина Аркадьевна, вернемся к вам и попытаемся общими усилиями найти у вас источник, – тем временем продолжил Дмитрий Олегович. – Посмотрите, как загораются и исчезают огоньки на кончиках пальцев вашей подруги. Вам нужно добиться того же...

Конец занятия ознаменовался грандиозным скандалом, устроенным Свиной-Морской, поскольку ей не удалось нащупать никакого источника и, соответственно, зажечь огоньки на кончиках пальцев. А все потому, что некоторые преподаватели не уделили ей должного внимания. Лицо у Поленьки покраснело от злости, а головой она дергала в такт пристукиванию ботиночком, набойка на каблуке которого уже выбила небольшую ямку в половице.

– Занятие групповое, поэтому я должен уделять внимание всем обучающимся, – меланхолично заметил преподаватель, за вечер выработавший устойчивость к вывертам сознания Свиной-Морской. – Я не могу все учебное время находиться рядом с вами. Будьте любезны, перестаньте портить

университетское имущество.

Каждый выходящий сдавал ему артефакт, но Полина Аркадьевна продолжала вертеть в руках свой, уверенная, что ее занятие еще не закончилось. С нее можно было писать картину героической личности, собирающейся бороться до конца. Я подошла к двери, раздумывая, уйти или попытаться помочь преподавателю. Но если Поленька отлепится от него, непременно прилипнет ко мне. Пожалуй, мне ее на сегодня достаточно. Свиных-Морских нужно принимать дозированно, лучше всего – в гомеопатических дозах, иначе возможно отравление. И я уже почти совсем решила удрать по-английски, не прощаясь.

– Лиза, добрый вечер, как прошло ваше первое занятие?

Волков был безукоризнен: зубы сияли, пуговицы блестели, ремни португалии поскрипывали при движении, сапоги же наверняка бедный денщик отдраивал несколько часов, чтобы привести к столь идеально зеркальному виду. Стоял штабс-капитан сейчас так, что ни он, ни Свиная-Морская не видели друг друга. А поскольку она как раз пошла на второй заход, обвиняя преподавателя в пренебрежении своими обязанностями, то еще и не слышала свою будущую жертву. А вот Волков насторожился сразу: у него вытянулись уши и задергался чуть удлинившийся нос.

Но сбежать я ему не дала.

– Замечательно, Александр Михайлович, – громко сказала я. – Чудесный преподаватель, замечательные сокурсники,

я даже подружку обрела. Впрочем, вы наверняка знакомы. Полина, вы же знаете штабс-капитана Волкова?

Впервые я увидела Волкова растерявшимся, поскольку Свиньи́на-Морская тут же потеряла интерес к преподавателю, всунула ему более не нужный артефакт и выскочила из аудитории, встав, как я и планировала, между мной и штабс-капитаном.

– Полина Аркадьевна, какая неожиданная встреча, – сквозь зубы выдавил пришедший в себя от неожиданного подарка судьбы Волков. – Вы же никогда не занимались магией?

– Папа настоял, – потупившись, нежно проворковала Поленька. – Говорит, нельзя с твоей магией дома сидеть.

– С вашей магией? – вежливо уточнил Волков с легким недоумением в голосе.

– Сегодня выяснилось, что мне и артефакт нужен другой, и индивидуальные занятия, – гордо сообщила Свиньи́на-Морская, вгоняя Волкова в полнейший ступор.

По всей видимости, он-то как раз владел аурным зрением, потому что взгляд его несколько расфокусировался, охватывая сразу всю Полину Аркадьевну сверху донизу и вызывая во мне чувство жгучей зависти, поскольку я понимала, что это умение так просто не перехватить, как я это сделала с отводом глаз. Недоумение из взгляда не уходило, поскольку доказательств словам своей знакомой он не видел.

– Дмитрий Олегович, подтвердите, что мне нужны инди-

видуальные занятия. – Брови Свиной-Морской сурово сдвинулись, чего Волков видеть не мог, поскольку смотрела Полина Аркадьевна сейчас на преподавателя. – В интересах страны.

– Для интересов страны, разумеется, было бы лучше, если бы вы занимались не в группе, – почти не покривил душой Дмитрий Олегович, которому за сегодняшнее занятие эта барышня успела надоесть хуже горькой редьки. – К сожалению, у меня нет возможности заниматься с вами отдельно, но я уверен, что вы найдете замечательного учителя.

Поскольку все внимание Волкова было приковано к Свиной-Морской, а она меня еще так удачно загораживала, я попыталась оставить их наедине и даже успела сделать несколько шагов по коридору.

– Лиза, куда вы? – окликнул меня Волков. – Я обещал вам прогулку и не могу оставить свое обещание невыполненным.

– Это так любезно с вашей стороны, Александр Михайлович, – заметила я, – но, право, вам не стоит утруждаться.

– Мне в удовольствие с вами прогуляться, Лиза.

Зря он так сказал. Глаза Свиной-Морской стали столь усиленно метать молнии, что появилось подозрение: магия у нее возникнет прямо сейчас и будет весьма убийственной для меня. Идея поставить ее между собой и Волковым при ближайшем рассмотрении показалась не столь замечательной: не подумала я, что Поленька может воспринять меня как угрозу собственному семейному счастью.

– У нас было такое тяжелое занятие, – вдохновенно сказала я, – что я не в состоянии гулять, а Полине Аркадьевне наверняка требуется помощь, чтобы добраться до дома.

– Меня должны ждать сани, – чуть не испортила она все.

– Но я не уверена, что до саней вы сможете добраться без помощи штабс-капитана. Все-таки такие нагрузки, как у вас сегодня, даром не проходят.

Я бы ей замигала обоими глазами, но вот незадача: Волков смотрел прямо на меня и никак не хотел отвлекаться.

– Вы правы, Лиза, – наконец сообразила, что от нее требуется, Свиньиная-Морская, – у меня шумит в голове и ноги подгибаются. Ах!

Она прижала руку к голове и сделала вид, что собирается упасть в обморок, но свалиться попыталась не на стену, а на Волкова. Естественно, он ее вынужденно подхватил, чуть покачнувшись, и посмотрел при этом с возмущением почему-то на меня.

– Александр Михайлович, вы такой благородный, – подбавив подобострастия в голос, выдала я. – С вашей стороны так великодушно оказать помощь Полине Аркадьевне.

Волковская улыбка ничего хорошего не сулила, но тем не менее он почти мирно сказал:

– Разумеется, Полина Аркадьевна, я помогу вам добраться до дома. Разве я могу поступить иначе?

Хотела я еще добавить, что в благодарность Поленька ему непременно споет, но потом решила, что это скорее его ис-

пугает, чем обрадует, поэтому просто прижала руки к груди, показывая свое восхищение офицерской жертвенностью. Волков холодно кивнул и повел свою нежеланную даму.

Они уже довольно далеко отошли от меня по коридору, причем Свиньи́на-Морская даже один раз обернулась, отправив благодарную улыбку, после чего сосредоточилась на кавалере, напрочь забыв, что она устала после занятия и почти умирает. Во всяком случае, полуобморочное состояние не мешало ей трещать как сорока. Волков же всей спиной выражал неодобрение моей инициативе, к спутнице почти не поворачивался и молчал.

– Скажите, а есть надежда, что он ее уведет насовсем? – грустно поинтересовался подошедший Дмитрий Олегович.

– Мне бы тоже очень этого хотелось, – честно призналась я. – Но боюсь, вероятность невелика.

– Жаль. – Он вздохнул. – Могу я полюбопытствовать о вашем уровне магии?

– Чуть выше двухсот.

– Мне показалось, побольше, – задумчиво протянул он. – Причем хорошо побольше. Этак раза в два. Впрочем, у оборотней иногда аура дает погрешность.

– Вы видите ауру, Дмитрий Олегович? А вы можете научить меня? – заинтересовалась я.

– Это не всем дано, – неуверенно ответил он. – Даже если я возьмусь, у вас может ничего не получиться. Да и зачем вам?

– Я собираюсь стать целителем. Аурное зрение позволяет куда больше, чем диагностические плетения.

– Тогда да, лишним не будет. – Он задумался. – Контроль у вас, конечно, хорошо идет. Занимались раньше?

– Как раз только контролем и занималась, – вздохнула я. – Больше почти ничего не умею.

– А почти ничего – это что?

– Так, по мелочи. В основном бытовые.

Платье почистить, труп сотворить, чемодан спалить – все для гармонизации быта.

– Что ж, – чуть разочарованно ответил он. – Посмотрю, как вы будете заниматься, может, и подскажу что по аурам. На самом деле это больше зависит от вас, чем от меня. Нужен такой несфокусированный взгляд, один раз поймаете – считайте, что научились. Нужно смотреть как бы сквозь объект, понимаете, Елизавета Дмитриевна?

– Не совсем.

Мне казалось, что я почти ухватила суть, но, чтобы ухватить полностью, недоставало самой малости.

– К сожалению, сейчас у меня нет времени что-то объяснить. Возможно, после следующего занятия.

Мне тоже было очень жаль, но я лишь выразила надежду, что в следующий раз у него найдется для меня время, которое я непременно оплачу при необходимости. Он оскорбленно ответил, что дело совсем не в деньгах, и довольно сухо попрощался.

За время нашей беседы даже след Волкова со Свиньиной-Морской простыл. По-видимому, они, нигде не задерживаясь, бодро дотопали до саней и уже уехали. Наверняка Волков рассчитывает сдать Поленьку на руки отцу и удрать, а Поленька – непременно задержать кавалера на ужин. Кому из них повезет, я бы с ходу не решила, поскольку они оба были не слишком щепетильны и очень упрямы в достижении своих целей.

Горничной в квартире не оказалось. Мефодий Всеславович сообщил, что ей принесли записку, после чего та быстро собралась и убежала. Докладывать, поди, княгине Рысьиной, и вряд ли надолго, поскольку из кухни пахло чем-то вкусным.

Но не столько хотелось есть, сколько проверить вертевшуюся в голове идею – научиться смотреть сквозь что-то, используя зеркало. Почему-то казалось, что куда легче будет расфокусировать взгляд, разглядывая себя. В спальне стоял огромный трельяж, напротив которого я и устроилась, пытаюсь поймать то самое нужное для видения ауры состояние.

– Гнать эту Полину надо, – бубнил тем временем Мефодий Всеславович.

– Вам-то она чем досадила? – удивилась я.

– Опять в ваших вещах рылась, пока вас не было, – на-ябедничал домовой, и только после этих слов я поняла, что речь о горничной, а не о Свиньиной-Морской. – И ведь точно что-то конкретное ищет. Прямо обнюхивает все и поиско-

вым артефактом тычется.

– Пусть обнюхивает, у меня и брать-то нечего, – заметила я, изо всех сил пытаюсь не отвлекаться на разговор и смотреть в зеркало сквозь себя. Мне казалось, что еще самая малость – и поймаю, поймаю тот ускользающий облик. – Как же мне расфокусироваться?

– Расфокусироваться?

– Сделать нечетким зрение.

– На глаза надавить можно, – посоветовал Мефодий Все-славович. – Быстро надавить да ладонь отнять. Помнится, последняя Горностаева так делала для одной из магических практик. Помогало.

– Хуже точно не будет, – согласилась я, нажала на глаза и отвела ладонь, после чего с визгом отскочила от зеркала.

Потому что на краткий миг вместо себя я увидела вовсе не свою ауру, а жуткую красноглазую лису, ту самую, в облике которой я оказалась в Китае.

Глава 10

– Елизавета Дмитриевна, да что случилось-то? – отчаянно пробивался ко мне голос Мефодия Всеславовича.

И пробился-таки. Я пришла в себя и обнаружила, что зажмурила глаза и пытаюсь вжаться в стену, словно она могла меня защитить. Я выдохнула и резко открыла глаза: сколько их ни закрывай – от проблем не убежишь, только страшнее будет. Нет, опасность надо встречать с открытыми глазами. Просто нынешняя очень неожиданной оказалась. Но я справлюсь. Я непременно справлюсь.

– Я увидела не то, что предполагала, и испугалась, – пояснила я Мефодию Всеславовичу, разжимая кулаки и радуясь, что у меня короткие ногти, иначе были бы сейчас дырки в ладонях, а так только небольшое покраснение.

Голос прозвучал хрипло, а горло чувствовало себя так, словно его драла стая огромных кошек. Ну и что, что они стаями не ходят? Для меня сделали исключение и собрались в прайд. В львиный. При мысли о Львовых я окончательно пришла в себя. На смену страху пришла злость.

– Что ж вы такого углядели-то?

– Похоже, привет от Темного бога. – И в ответ на недоумевающий взгляд домового пояснила: – У меня появился еще один облик, точь-в-точь как у Ли Си Цына, только я его не могу использовать. Но он наверняка на меня влияет, раз

уж я его в зеркале вижу.

– Может, наведенное? Облика второго нету, а вам кажется? Есть такие умельцы создавать в разуме картины почти как настоящие, только кажущиеся...

– Нет, я обращалась в лису один раз, а потом облик стал для меня недоступен. Но я его все равно чувствую.

– Может, показалось вам, что обращались?

– Я без одежды осталась. Какое уж показалось.

– Дела... – протянул Мефодий Всеславович. – У Ли Си Цына облик дурной, тьмой перекрученный. Не надо вам такого.

– Вот-вот, совершенно не надо, – согласилась я. – Мне рыси хватит. Ну их, этих непонятных лисиц. Только как избавиться-то?

– По воле Велеса токмо, – уверенно ответил домовый.

– Велес сказал, чтобы я к нему не обращалась, пока не разберусь с договором с другим богом, – напомнила я.

– Значит, нужно быстрее разбираться. А ну как эта лиса на вас влиять начнет, если уже не начала?

– Я бы рада быстрее получить артефакт. Да как?

В голове не было ни единой мысли, как можно найти этот проклятый артефакт. И мало того что найти – его еще нужно было всучить Львовым так, чтобы не получить проблем еще и с ними. С другой стороны, выкрали же как-то этот артефакт из их сокровищницы, значит, слабые места там есть и можно будет подкинуть. Наверное.

Дверь хлопнула так, что я вздрогнула и сразу метнулась в прихожую отражать неведомую опасность. Но это всего лишь вернулась горничная. Раскрасневшаяся с мороза и необычайно довольная, словно на свидание к любовнику бегала. Но скорее всего, ей доплачивают за каждый доклад и такое счастье у нее от полученных сребреников за шпионскую деятельность.

– А скажите-ка, что вы искали в моих вещах, Полина? – сразу пошла я в наступление, вымещая на подвернувшейся жертве и свой испуг, и свою злость.

– Так убиралась я, Елизавета Дмитриевна, – чуть встревоженно ответила она. – Разве можно убираться, не трогая вещей? Даже пыль вытереть – и то поднять-опустить что-то надо.

– Если бы речь шла только об уборке, я бы слова против не сказала, но вы именно рылись в моих вещах. И не надо врать, я это точно знаю. – Я зажгла на кончиках пальцев плетение, совершенно безвредное, но выглядящее весьма эффектно, намекая, что использовала для ее уличения магические методы: не выдавать же домового? – Если я подобное замечу еще раз, то вы покинете этот дом, невзирая ни на какие угрозы.

Конечно, прислуга – хоть маленькая, но защита от несанкционированных визитов, но не думаю, что горничную сложно нанять. Причем лояльную мне, а не Фаине Алексеевне. Денег, конечно, было жалко, но не настолько, чтобы прене-

бегать собственной безопасностью.

Полина отшатнулась к двери и смотрела на меня с таким испугом, как будто я собиралась испепелить ее здесь и сейчас. Не приняла во внимание, что я маг? Зря: могла бы подумать, что магия вкупе с отвратительным характером Рысьиных – довольно опасный коктейль. Не только Фаина Алексеевна может приходить в ярость, но и я.

– Я все поняла, Елизавета Дмитриевна, ни одного лишнего движения, но уж не обессудьте, если что-то где-то плохо уберу, – осмелела она быстро. – Я не беру на себя ответственность определять точно, где проходит граница между «убирать» и «рыться».

– Не лукавьте, – усмехнулась я. – Все вы прекрасно понимаете, Полина. Если вас не устраивают мои требования, то мы можем расстаться прямо сейчас.

Стук в дверь избавил рысьинскую шпионку от немедленного ответа. Она бросилась открывать, показывая, что продолжает работать на меня и вообще очень дорожит местом. Я развеяла плетение: Волкова таким не напугаешь, а больше никого я пугать не планировала. Да и кого-кого, а штабс-капитана я точно не ждала: непохожа Полина Аркадьевна на нежных барышень, из слабых ручек которых можно легко вырваться. Наверняка Волкова уже пригласили на семейный ужин или даже семейный концерт. Маленький такой, для пары зрителей: папеньки и штабс-капитана. Вдруг уши потенциального супруга уже успели оттоптать Медведевы? Вол-

ков, конечно, тип осторожный, но вероятности несчастного случая еще никто не отменял. А оглушенный Поленькиным визгом, он может и не заметить, как окажется с ней обручен. Маловероятно, конечно, но помечтать-то можно? А визжит Полина Аркадьевна громко и проникновенно, только называет это почему-то пением.

За дверью оказался Николай, что меня необычайно обрадовало, хотя вид он имел несколько удрученный. Расспрашивать при прислуге я не собиралась: не рыться она пообещала, но не подслушивать пока нет. И ведь потребуй от нее не подслушивать, наверняка с честным лицом заявит, что не сможет углядеть границы между «слушать» и «подслушивать».

– Николай, как замечательно, что вы пришли, – радостно сказала я, не дав ему и рта раскрыть. – Вы же составите мне компанию на прогулке?

– Добрый вечер, Лиза, – напомнил он о правилах приличия, которые я совершенно нахально проигнорировала. – Разумеется. Мне будет в радость с вами прогуляться.

– Елизавета Дмитриевна, а ужин? – всполошилась горничная, столь преданно на меня глядя, словно не она бегала на встречу по первой же записке от неизвестно кого. – Остынет же все...

И за едой могут вестись беседы, очень полезные для благосостояния моей прислуги. То есть это она так думает, я же не собиралась вести никаких серьезных бесед без защитных плетений.

– Разогрею. Я пока не голодна.

Сказала и сама удивилась, что это так: есть не хотелось совершенно, сказалось нервное напряжение от лицемерия себя в зеркале. Никогда раньше не думала, что могу быть настолько страшной. И самое ужасное – нет никаких средств все исправить: ни кремов, ни процедур, ни, прости господи, пластических операций... Хотя какая это пластическая? Отрезание посторонней лисы не прихоть, а насущная необходимость.

– Вы чем-то встревожены, Лиза? – спросил Николай, как только мы вышли.

Я набросила на нас плетение от прослушки, хотя на первый взгляд нами никто не интересовался. На второй тоже: плетение никто не пытался взломать. Во всяком случае, прямо сейчас.

– Все тем же – договором с Темным богом, – ответила я, решив не посвящать Николая в возникшие проблемы с дополнительным обликом. – Нужно срочно что-то делать, а я понятия не имею, где искать этот проклятый артефакт. Мне кажется, если вернуть его Львовым, договор засчитается как выполненный и этот бог от меня наконец отстанет.

– Львовым? Почему Львовым?

– Потому что, как я подозреваю, они им владели раньше. Точно буду знать, лишь когда я его наконец подержу в руках. Правда, в последнее время я начинаю сомневаться, что это получится. Ровным счетом ничего не указывает, где этот ар-

тефакт может быть.

– Так, может, его и нет?

– Есть. – Я вздохнула. – Точно был, потому что та Лиза, которая была до меня, показывала его Юрию Рысьину. С этого все и началось.

Николай нахмурился. Само его присутствие действовало на меня успокаивающе, пусть мои проблемы он решить не мог. Во всяком случае, эти.

– Мне кажется, вы чего-то недоговариваете, Лиза. Откуда вы знаете, какой артефакт все ищут, если вы его не видели?

– Исходя из того, что он нужен всем, а Волков связывает свои амбициозные планы именно с владением этим артефактом, это что-то, точно дающее возможность претендовать на трон, – пояснила я. – Иначе смысла не было бы устраивать эти пляски вокруг меня.

– Думаете, Волков собирается претендовать на российский престол? – удивился Николай.

– Собирается, – подтвердила я. – Пусть он не говорит прямо, но по оговоркам понятно, что планирует. Поэтому нужно от артефакта избавляться.

Я вздохнула и задрала голову к небу. Глубокому черному небу с яркими точками звезд. Такой прекрасный зимний вечер. Такой замечательный спутник, с которым мы говорим о совершенно неприятных вещах, а могли бы найти темы куда интереснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.